

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Я - ВОР В ЗАКОНЕ

ЗАВЕТ ЛИХОГО ПАЦАНА

Сага о крупной партии алмазов, находившейся под личным контролем Сталина и ставшей объектом пристального интереса зарубежных спецслужб, сотрудников ФСБ, ювелирных фирм и воров в законе.

Евгений Евгеньевич Сухов

Завет лихого пацана

Серия «Хитник», книга 3

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166067

Завет лихого пацана: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-18581-8, 5-699-18581-X

Аннотация

Алмазы бесследно не исчезают. Крупная партия этих «камушков» – по скромным подсчетам на три миллиона долларов – пропавшая в 1945 году, наконец-то «всплыла». Бывший Энкавэдэшник Куприянов, умыкнувший «секретный груз», передал заветный контейнер своему внуку Никите. Опасный подарочек! За алмазами начинается охота. Сын вора в законе Фартового, унаследовавший профессию и кличку отца, не намерен упускать такую добычу. Вот и ломает голову Никита: как реализовать алмазы и сохранить жизнь не только себе, но и своей любимой девушке Веронике. Знал бы он, что Вероника втайне от него затеяла рискованную игру против «охотников». Она знает, что делает, ее этому учили, и блеск алмазов не слепит ей глаза...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	26
Глава 4	43
Глава 5	51
Глава 6	65
Глава 7	72
Глава 8	84
Глава 9	95
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Евгений Сухов

Завет лихого пацана

Глава 1

ВОЛЧАРА КУПРИЯНОВ

Если живешь на Урале, то трудно не увлечься драгоценными камнями, тем более что их продажа приносит весьма неплохой доход. Вор в законе Георгий Фартовый прочно крышевал многочисленные магазины, торгующие ювелирными изделиями, подпольные мастерские по огранке драгоценных камней и понемногу подбирался к самостоятельным добытчикам-хитникам, которые на торговле изумрудами порой сколачивали целые состояния.

Правда, хитники – братия своевольная, во многом неуправляемая и бесшабашная. Эти люди, как правило, не любят задерживаться на одном месте и кочуют вдоль Уральского хребта, будто юркие птахи в сезон перелетов.

Ни один качественный камень не проходил мимо внимания Фартового, с каждого из них он имел строго обговоренный процент. Отчисленные суммы в немалой степени спо-

собствовали пополнению воровского общака. Львиная доля доходов приходилась на изумруды с александритами, или, на языке хитников, на «зелень» с «шуриками». Если встречались алмазы, то, как правило, небольшие, всего-то на карат. Так что, когда поползли слухи, что «всплыл» целый контейнер с крупными алмазами, бесследно пропавший весной 1945-го, Фартовый понял, что эти мелкие алмазы не имели никакого отношения к «белым» из контейнера. Те были величиной с крупный орех и предназначались для расчетов с союзниками по договору, так называемому ленд-лизу. Но контейнер пропал во время бунта заключенных. Через зону, где вспыхнул бунт, контейнер шел транзитом и в поднявшейся перестрелке исчез, да так, что концов не найти.

И вот, похоже, всплыл... Но это слухи, а реальных фактов, подтверждающих, что на рынке появилась огромная партия алмазов, не было. И тем не менее все, кто был заинтересован в этих делах: от милиции до крупных ювелиров, зашевелились. Такую добычу упускать – грех!

Фартовый не любил ждать, а потому параллельно с бывшим комитетчиком Тарасовым, состоявшим у него на жалованье, решил организовать собственное расследование.

Ему повезло первому, новости не заставили себя ждать, и уже через месяц поисков Фартовый узнал, что одному ювелиру, скупавшему у хитников по дешевке камни, вдруг перепал алмаз в десять карат. Продавцом оказался старик, который по описанию очень походил на Куприянова, того са-

мого охранника, что прихватил контейнер.

Однако приставленные к старику топтуны ничего не могли выявить – дедуля жил, как обычный пенсионер, экономя каждую копейку, и, вооружившись авоськой, готов был топтать в противоположный конец города за молоком, где им торговали прямо с машин, дешевле на десять копеек за литр.

В какой-то момент Фартовому даже показалось, что этот Куприянов не имеет к пропавшему контейнеру никакого отношения, но тут неожиданно заявился Тарасов и сообщил, что парочка похожих алмазов была обнаружена в Голландии. По анализам, проведенным в лаборатории, выяснилось, что камни прибыли с Урала, скорее всего, именно с Вишеры.

А старик хитер! Мало того, что фамилию сменил, так еще ходил себе потихонечку за молочком, а сам в это время выстраивал сложнейшую цепочку по переправке алмазов за рубеж. Чувствовалось, что за его плечами солидная школа. Только присмотревшись к нему повнимательнее, Георгий Георгиевич смог понять, что свои встречи тот назначал именно у рыночных прилавков, где и сбавривал драгоценщикам редкостный товар.

Одним из таких «купцов» был Васильевич. Дядька он был неплохой, но страдал серьезным грехом – крысятничеством. По договоренности он обязан был сообщать Фартовому о каждом крупном алмазе, попадавшем в его руки, однако частенько этого не делал.

Его следовало наказать в назидание другим.

А вскоре выяснилось, что Куприянов приобрел шикарную квартиру в центре города. На одну пенсию такие хоромы не выстроишь. Правда, навещался он туда не часто, при этом всякий раз соблюдая все меры предосторожности.

Строители, отделявавшие его квартиру, всерьез полагали, что стараются для крупного городского чиновника. А Куприянова, появлявшегося во время работы, воспринимали как тестя начальника – дружески похлопывали его по плечу и зубоскалили о том, что в отсутствие зятя тот может приводить в шикарные хоромы молодух.

Присматривать за Куприяновым Фартовый поручил Сидоровичу, крепенькому мужичку лет под пятьдесят. Прежде тот служил в ментовке, в третьем отделе, специализировавшемся на наружном наблюдении. И как утверждал сам Сидорович, он был одним из лучших в отделе. По тому, как он творчески подходил к своему делу, сомневаться в его словах не приходилось. Он предпочитал носить двусторонние куртки, которые в случае необходимости можно было надеть наизнанку, поменяв при этом цвет. В карманах у него всегда лежал грим, накладные усики с бородкой, способные сбить с толку самого осмотрительного человека.

Сидорович был мент, что по понятиям являлось весьма серьезным его недостатком, а потому к нему следовало относиться с настороженностью. Душу нараспашку он тоже не держал, и трудно было сказать, какие мысли роятся в его плешивой высохшей голове. Не следовало забывать и о том, что

на кон были поставлены большие деньги, и у милиционера мог возникнуть серьезный соблазн переиграть своего работодателя.

Опасаться было чего. Последнее время Сидорович стал проявлять необычайную активность и отправлялся следить за Куприяновым даже тогда, когда от него этого вовсе и не требовалось.

Дело дошло до того, что уже пошел второй день, как Сидорович не подавал о себе вести.

Прежде такого за ним не наблюдалось. Исправно, как было заведено на прежней его работе, он сообщал о том, как провел день, куда направлялся объект, сколько где пробыл и что удалось выяснить.

А тут за целые сутки ни единого звонка!

В своей квартире опер также не появлялся. Имелась вероятность, что он завис у какой-нибудь своей давней приятельницы, но раньше в этом случае он делал предварительный звонок и извещал о том, что этот день будет проведен им в сексуальных подвигах.

Все прояснилось через два дня, когда в телевизионной «Криминальной хронике» сообщили, что на улице Космонавтов в доме номер пять сгорела квартира, там же было найдено обгоревшее тело хозяина квартиры Зиновьева Павла Александровича. Под этим именем вот уже много лет и скрывался Куприянов. Ничего не скажешь – умел старик обрубать хвосты!

Услышав эту новость, Фартовый испытал даже чувство разочарования. Надо же, как бесславно закончилась жизнь бывшего сотрудника НКВД. Только всмотревшись в телевизионную картинку, на которой было крупно запечатлено обугленное тело, Георгий Георгиевич осознал, что это совершенно другой человек. Хотя он во многом похож на Куприянова – тот же рост, комплекция, даже строение черепа было таким же.

Но вот на руке у покойного виднелись часы марки «Полет». Модель старая, такие сейчас не производят. На часах была отличительная отметина – треснувшее стеклышко. Оператор вплотную приблизил камеру к труп, и Фартовый сумел рассмотреть часы до малейших царапин.

Огонь пощадил их, почернел только металлический браслет, да вот на стекле с характерной трещинкой образовался налет копоти. А так котлы целехоньки!

Сомнений не было – это часы исчезнувшего Сидоровича.

Следовательно, погиб не Куприянов, а следивший за ним Сидорович собственной персоной. Сбивала с толку одежда погибшего. Очевидно, Куприянов передел труп в свой костюм, да вот о часах в спешке как-то не позаботился, а может, решил, что никто не станет обращать внимания на подобные мелочи.

Но Георгий Георгиевич обратил!

А Куприянов хитер! Чувствуется солидная школа. Заметив за собой слежку, он сумел заманить филера к себе и ак-

куратненько убрал его, переодев в свою одежду. Наверняка перед смертью выпытал у него все, что тот знал. Способов для этого существует много, люди из конторы в таких делах спецы.

Тарасов внимательно выслушал Фартового.

– Лихо! – наконец произнес он. – Старая школа! Сейчас так не работают. Действовал старичок решительно и жестко. Видно, что ему не впервой. Это с виду они все такие божьи одуванчики, а как копнешь поглубже, так за ними такие дела тянутся, что ого-го! – почти восторженно произнес Тарасов. – Я думаю, что он уже давно заметил за собой слежку, просто поджидал подходящий случай, чтобы обрубить концы.

– Как же ему это удалось?

– Возможно, он даже специально засветил где-то алмазы. Не исключено, что опер по своей наивности решил шантажировать его, стал проситься в долю. В результате вот такой конец. От жадности все это, ведь прекрасно знал, с каким волчарой имеет дело.

– Сам-то ты что думаешь, где этот волчара сейчас может быть?

– Я думаю, что сейчас он будет вдвойне осторожен. Не исключаю, что он где-то затаился, подсматривает за нами. Такие профессионалы, как он, стараются просчитывать игру на несколько шагов вперед. Так что работать с ним очень опасно.

– Как его можно вычислить?

– Думаю, что это возможно. Нужно установить круглосуточное наблюдение за его внуком. Наверняка они как-то поддерживают связь.

– А может, проще всего поймать пацана, вывезти его в лес да вытрясти из него все секреты? – хмуро предложил Батяня.

Тарасов улыбнулся.

– Признаю, что затея не лишена смысла. Но слишком уж это радикально. И нет гарантии, что мы действительно узнаем, где находится его дед. Вряд ли он рассказал внуку о своем убежище. И даже не потому, что не доверяет ему, а в силу того, что мальчишку действительно могут допросить с пристрастием. А чего не знаешь, того уж никак не расскажешь.

– Тоже верно.

– Старик суровый, если что-нибудь случится с его внуком, то вряд ли он остановится. Так что лучше всего охотиться все-таки на старика.

– Хорошо, – кивнул Фартовый. – Вот ты этим и займись. Все-таки он работал в вашей системе, методы ты знаешь.

– Хорошо, – легко согласился Тарасов.

Глава 2

АЛМАЗЫ – ДЕЛО СЕМЕЙНОЕ

Генерал-майор Яковлев сидел на своем привычном месте, во главе стола, полковнику Лысенкову он предложил расположиться по правую руку.

– Практически в каждой серьезной компании имеется своя солидная разведка и контрразведка. Алмазная корпорация «Де Бирс» не является исключением, – излагал полковник Лысенков. – Тем более что алмазный рынок очень специфичен. Случайных людей там не встретишь, алмазы – дело семейное. В этом бизнесе давно работают целые династии. Конкуренция там тоже огромная. Если каких-то лет десять назад по производству алмазов ЮАР выходила на первое место, то сейчас ее теснит Индия. Тамошние фирмы скупают алмазы малых размеров, гранят их, они уже завалили камушками всю Европу и Америку! Практически каждый второй бриллиант весом до одного карата изготовлен в Индии. Свою нишу в алмазном бизнесе пытается заполучить и Австралия. Тем более что сейчас там обнаружены крупные месторождения алмазов.

- А как же Россия? – спросил генерал-майор Яковлев.
- Мы держимся в тройке.
- Хорошее место.

– Разведка «Де Бирс» донесла, что из России на европейский рынок поступают крупные алмазы невероятной чистоты. Они вправе предполагать, что в России открыто какое-то крупное месторождение алмазов, о котором пока никому ничего не известно. И они хотят быть первыми.

– Какую политику ведет «Де Бирс»?

– Это самая крупная алмазная корпорация, очень разветвленная, у нее имеются филиалы во всех странах, которые занимаются алмазами. Политика «Де Бирс» невероятно агрессивна, они стараются всюду скупать хорошие алмазы. Имеют свое лобби во многих европейских парламентах. Я уверен, что такое же лобби есть и в Америке.

– Что предпримет «Де Бирс», когда, предположим, отыщется такое месторождение алмазов в России?

– У них уже давно отработаны различные схемы действий. Кроме того, они располагают немалыми средствами и большими возможностями. Для них не стоит большого труда выйти на самых первых людей государства, повлиять на их решение.

– Получается, что их активность в какой-то степени представляет угрозу для государства?

Лысенков согласно кивнул.

– Да, именно так и получается.

Кассета с видеоматериалами лежала по его правую руку. Отвечая на вопрос генерала, Лысенков невольно поглядывал на коробку, надеясь, что Яковлев отдаст распоряжение

просмотреть отснятое. Но генерал-майор отчего-то не спешил. Впрочем, это была его обычная манера вести диалог: сначала он выслушивал собеседника, составлял собственное мнение.

– Как, ты говоришь, зовут этого человека?

– Геворкян Лавр Константинович. Он курирует Центральную и Восточную Европу. Занимается поставками алмазов из России. У нас имеются основания полагать, что большая часть товара идет от нас контрабандным путем.

– Вставь кассету, – наконец распорядился генерал.

Полковник Лысенков вставил кассету в видеомагнитофон, нажал на пульт, и тотчас на экране телевизора появился мужчина кавказской наружности, лет сорока – сорока пяти. Одет он был очень элегантно, в добротный серый костюм в мелкую белую полоску. Гладко выбритое, ухоженное лицо, внимательный, изучающий взгляд. И вместе с тем в его внешности не было ничего такого, что указывало бы на то, что он трудится в сфере алмазного бизнеса. Геворкян скорее напоминал торговца средней руки.

– Мы тут навели о нем кое-какие справки, – ровным, бесцветным голосом продолжал полковник. – Сам он гражданин Бельгии.

– Кажется, в Антверпене находится самая большая биржа алмазов?

– Да, это так. Из Армении вместе с родителями он уехал в пятилетнем возрасте, сначала в Израиль, а уже оттуда

они переехали в Бельгию. Получил блестящее образование в Кембридже, юрист, полиглот. В совершенстве знает почти все европейские языки. Говорит на арабском, хинди, на иврите. На хорошем счету у своего руководства. Очень хороший эксперт. Как правило, он всегда появляется там, где заключается сделка о крупных поставках алмазов. Поэтому смею предположить, что намечается какая-то крупная акция в России. Причем это не обязательно могут быть какие-то легальные поставки, часто «Де Бирс» действует на грани фола. Как я уже сказал, эта фирма может проводить и незаконные сделки.

– Например? – поинтересовался генерал-майор.

– Пожалуйста. В последний месяц из Пакистана было вывезено алмазов почти на две тысячи каратов. Причем в этом деле очень активное участие принимал Геворкян. По нашим оперативным данным, он принимает участие в самых сомнительных операциях. Специализируется по улаживанию сложных вопросов и разного рода шероховатостей, сюда входят отношения с таможней, – принялся загибать Лысенков пальцы, – с различными парламентскими комитетами, политиками, разного рода влиятельными людьми. В общем, работы у него хватает.

– Значит, ты предполагаешь, что нелегальный вывоз алмазов может произойти и в России?

– Я в этом уверен. Нам следует быть готовым к этому.

– С кем встречался Геворкян?

Полковник нажал на кнопку пульта. На экране опять возник Геворкян. Правда, в этот раз он находился на очень отдаленном расстоянии. Наблюдение за эмиссаром крупнейшей южноафриканской компании велось из машины, в поле зрения попали края дверцы, что, впрочем, совсем не отразилось на общей картине. Уверенной размашистой походкой Геворкян пересек перекресток, остановился у края дороги, заметив красивую девушку с золотистыми распущенными волосами. Оценивающе задержал взгляд на стройных ногах и потопал себе дальше. На первый взгляд абсолютно ничего примечательного, все укладывается в общепринятый типаж, – обыкновенный кавказец с соответствующим типом поведения. Было бы очень странно, если бы он не обратил внимания на дивчину с такой попой.

А что, если его поведение – тоже часть хорошо продуманной легенды? Люди из серьезных фирм всегда работают покрупному и учитывают каждую мелочь.

– Вне офиса у него было три встречи. Очень короткие. В первых двух были женщины. – Полковник Лысенков быстро перемотал пленку, в кадре возникла девушка с ярко накрашенными губами. Для связи такие типажы не годятся, уж слишком они приметны, а потому мужики их используют по прямому назначению. – Некто Катерина Шумилова, проститутка, специализирующаяся на иностранцах. Знает английский и французский.

– А может, приманка? Хотя вряд ли, слишком изощрен-

ная комбинация. Для такого дела можно было бы подобрать и более интеллектуальную особу. Каким образом он на нее вышел?

– Познакомились в ресторане. У дамочек подобного типа на таких людей, как Геворкян, особый нюх. Вторая встреча состоялась на следующий день в холле гостиницы, в которой он остановился. Обнялись, поцеловались, он вел себя с женщиной так, как будто бы они были давно знакомы. Вечером повстречались за ужином, потом он отвел ее к себе в номер, где оба и пробыли до самого утра.

– С кем была третья встреча?

Полковник Лысенков кивнул.

– А вот это уже интересней, хотя эта встреча была самой короткой.

Он щелкнул пультом, и на экране высветилось молодое интеллигентное лицо мужчины лет двадцати двух-двадцати четырех. Умные крупные, чуть навывкате глаза смотрели сквозь модные очки. Взгляд пристальный, все подмечающий.

– Некто Лев Зальцер, в недавнем прошлом аспирант МИФИ. В настоящее время огранщик. Судя по отзывам коллег, весьма толковый. Сейчас работает в ювелирной лавке своего дяди – Иосифа Абрамовича Зальцера.

– Где состоялась встреча?

– В сквере, недалеко от гостиницы.

– Это уже интересно. Получается семейный бизнес?

– Выходит, так.

– Почему Геворкян вышел на Зальцера?

– У нас только предположения. Скорее всего, он хочет собрать как можно больше информации о крупных алмазах невероятной чистоты, замеченных в последнее время на рынках. А Зальцер человек влиятельный, со связями, он может знать, откуда действительно пришли эти алмазы.

– С кем у него могут быть связи?

– С Израилем. Мы подозреваем, что через него проходит большое количество необработанных алмазов. В Израиле очень хорошо поставлено ювелирное дело, там много хороших специалистов. В Россию камни возвращаются уже в виде бриллиантов и стоят в несколько раз дороже.

– Понятно. Куда Геворкян пошел потом?

– А вот смотрите.

В этот раз Геворкян был запечатлен входящим в трехэтажное здание с огромными окнами, съемка производилась с небольшого расстояния. По всей видимости, это был какой-то офис.

– Использовали внешнее наблюдение?

– Да. Возможности проникнуть в здание не было, в нем находится представительство «Де Бирс». Очень строгая пропускная система, повсюду видеокамеры. Знаем только, что Геворкян направился на третий этаж, там располагается кабинет представителя. Окна этого кабинета выходят на улицу.

Теперь на экране высветилось двустворчатое окно. Сня-

то оно было с большого расстояния, изображение слегка подрагивало, следовательно, съемку производили в движении. На какое-то мгновение изображение застыло, а потом, повинаясь воле оператора, стало стремительно наползать, все более увеличиваясь в размерах. Сейчас можно было видеть, что створки окна были слегка приоткрыты. На окно был надет «намордник», смонтированный из тонкой металлической сетки, совершенно неразличимый с большого расстояния. Только самый безрассудный вор отважится взобраться на девятиметровую высоту, причем на одной из самых оживленных улиц, да еще по соседству с районным УВД.

Скорее всего, сетка выполняла роль экрана, способного нейтрализовать подслушивающие устройства. Пожалуй, единственный прибор, который целесообразно использовать в данном случае, так это лазер.

– Значит, это окна представителя компании?

– Да. – Будто угадав мысли генерала, Лысенков быстро продолжил: – Геворкян подошел к окну и почему-то слегка распахнул створки.

– Хотел проверить, есть ли за ним внешнее наблюдение.

– Скорее всего, так оно и есть. Постояв с минуту около окна, прошел в глубину комнаты.

– Тебя что-то настораживает?

– Есть кое-какие моменты, которые позволяют думать, что он знал о ведущемся за ним наблюдении.

– Вот как? Поясни.

– Мы были готовы подслушать разговор с помощью лазерного устройства. Но как только Геворкян отошел от окна, стекла тотчас слегка завибрировали.

Принцип лазерного подслушивающего устройства до невероятного прост. Во время самого обычного разговора все предметы в комнате начинают вибрировать. А потому достаточно направить сканирующий лазерный луч в сторону источника звука, как модуль тотчас преобразует исходящие колебания в звуковые сигналы.

Защита от лазерного прослушивания тоже весьма простая. Достаточно установить волнистое стекло на окнах, а оно способно рассеивать направленный луч. Но сквозь такие стекла совершенно не видно, что творится на улице, а потому большинство деловых людей предпочитают стекла гладкие, часто слегка затемненные, на которые укрепляется пьезоэлектрический элемент, автоматически включающийся во время разговора. Так что комната представителя «Де Бирс» была надежно защищена от прослушивания.

– У меня создалось впечатление, что Геворкян действует как опытный разведчик. А может, он работает под прикрытием?

– У меня тоже создалось такое ощущение. Мы уже разрабатываем этот вопрос. – Слегка помявшись, Лысенков продолжил: – Хотя все указывает на то, что «Де Бирс» действует самостоятельно. У них очень сильная служба разведки и контрразведки. Возможно, они просто получили информа-

цию о том, что где-то на территории России имеется большая партия алмазов, которая в свое время должна была быть направлена в счет оплаты поставок по ленд-лизу в Великобританию и Америку, но потом была утеряна. За давностью лет о ней давно все позабыли, и сейчас компания «Де Бирс» захотела заполучить алмазы.

– Все это очень похоже на правду. Были бы деньги, а заполучить камушки отыщется немало желающих, – неодобрительно сказал генерал-майор. – Не исключаю, что именно для этого Геворкян и приехал к российскому представителю фирмы.

Генерал-майор Яковлев вдруг поднялся. Полковник Лысенков сделал попытку последовать его примеру, но Виктор Ларионович лениво махнул рукой. За время работы с генералом Лысенков познакомился с его манерой вести беседу. Генерал мог на полуслове подняться и пройтись по комнате, а потом вдруг опять сесть в кресло. В эту минуту обращаться к нему не следовало, потому что он принимал какое-то важное решение.

Возвращаться к письменному столу Яковлев не спешил. Он подошел к шкафу, за стеклом которого были размещены фотографии прежних руководителей службы, и принялся разглядывать каждого поочередно. Его гладкий, почти юношеский лоб пересекала глубокая морщина. Генерал-майора одолевали какие-то нелегкие мысли. Полковнику Лысенкову очень хотелось знать, о чем думает Виктор Ларионович

в данную минуту, но ведь начальство – просто так не спросишь!

Наконец генерал-майор заговорил:

– Возможно, что с точки зрения «Де Бирс» контейнер с алмазами является бесхозным. Но ведь фактически у него имеется хозяин. Это союзники – Америка и Великобритания. Не случись в свое время, весной сорок пятого, форсмажорных обстоятельств, так переправка алмазов непременно была бы осуществлена. И союзники всегда могут заявить свои требования на этот груз. Я уже интересовался этим вопросом. Так вот, некоторые серьезные западные историки считают, что «холодная война» началась именно вследствие отказа Советского Союза выплачивать долги по ленд-лизу. И вопрос о возвращении долга они могут поднять в любую минуту, как только узнают, что объявился контейнер с алмазами. Мне думается, что они уже кое-что пронюхали, иначе не было бы этой возни в «Де Бирс». Следовательно, мы должны ожидать гостей из «МИ-6», из ЦРУ. Не мешало бы действовать на опережение и знать, кто именно прибудет к нам в гости. Что ты можешь сказать по этому вопросу?

– У нас есть свой человек в «МИ-6». – Чуть замаявшись, Лысенков продолжил: – Правда, он занимается вопросами безопасности промышленных компаний, но как источник он чрезвычайно надежен. Думаю, что он сумеет составить примерный список людей, которых «МИ-6» может отправить в Россию, чтобы выяснить, что же все-таки произошло весной

сорок пятого с контейнером алмазов.

– Но мы должны действовать на опережение, и наша задача заключается в том, чтобы подбросить «МИ-6» дезу. Пусть они считают, что никакого контейнера не обнаружено. Надеюсь, вы понимаете важность этой операции? – спросил генерал-майор с некоторым нажимом, остановившись напротив Лысенкова.

Полковник поспешил подняться. В этот раз Яковлев его не удерживал. Лысенков вдруг сделал неожиданное для себя открытие – генерал-майор был выше его сантиметра на три и наверняка сейчас рассматривал его небольшую плешь с высоты своего роста.

– Так точно, товарищ генерал-майор!

– Кстати, по поводу Геворкяна. Кажется, он любит женщин? Я обратил внимание на то, что ему больше по душе блондинки.

– Кавказцы падки на светленьких женщин, – легко согласился полковник.

– Как проявила себя в Англии Вероника?

– Выше всяких похвал. Весьма способная барышня. Она вплотную подобралась к важному источнику информации и выяснила, что скоро Горовой отправится в Россию.

Генерал кивнул.

– Что ж, мы организуем ему достойную встречу. У нас к нему немало вопросов. Кажется, Вероника сейчас в городе?

– Так точно!

– Как тебе удалось ее выманить? Кажется, она не очень хотела возвращаться.

– Выманивать особо не пришлось. Тут вот такая история получилась. Любовник как-то сфотографировал ее обнаженной и поместил фотографии в свой альбом. Кто-то проник в его квартиру и выкрал эти фотографии, а потом переслал их Веронике. При этом ее предупредили, что, если она не придет, тогда о ее похождениях узнает муж.

– Узнали, кто проник в дом?

– Скорее всего, какой-то профессиональный домушник, действовал он очень грамотно. Но орудовал явно по чьей-то наводке.

– Неплохо бы выявить, по чьей именно.

– Мы работаем над этим.

– А что, если нам попробовать использовать Веронику для разработки Геворкяна?

От Виктора Ларионовича пахло дорогим парфюмом. Едкий сладковатый запах необычайно раздражал полковника Лысенкова, который предпочитал одеколоны попроще, но морщиться не полагалось, следовало смотреть прямо в зеленато-серые внимательные глаза генерала.

– Использовать можно. Но мы уже после ее возвращения проводили тестирование. В результате выяснилось, что сейчас она находится на грани нервного срыва.

– Какая же причина?

– Самая банальная. Мужчина! Она повстречалась со сво-

им парнем, который хотел когда-то на ней жениться. Видимо, накатило.

– Но, кажется, в Англии у нее складывается все самым лучшим образом.

– Так-то оно, конечно, так...

– Значит, она может отказаться?

– Не исключено.

– Сколько она у нас работает?

– Три года. Неудобно к ней обращаться, тем более что мы ей в свое время обещали, что задание такого рода будет последним.

Генерал нахмурился.

– Придется уговорить. Найди подходящие слова. А неудобства компенсируем... Изыщем способ...

Полковник Лысенков кивнул:

– Вас понял.

Глава 3

ЗОЛОТАЯ РЕКА ВИШЕРА

Поначалу речка Вишера на майора Журавлева особого впечатления не произвела. Обыкновенная, каких в России не одна сотня. Мутная, холодная, заросшая по берегам лесом. По-своему, конечно, живописная. Но ничего такого, что заставило бы с задумчивым видом постоять на берегу, а то и крикнуть от восторга и удивления. Таких речушек на своем веку Журавлев повидал немало. Правда, в таких речках встречается весьма экзотическая рыба, например форель или хариус, а в камышах водятся уточки.

Привычную панораму речной идиллии нарушали столбы, по которым густо, плотной стеной, была натянута колючая проволока. Кое-где на столбах были закреплены таблички с предупреждающей надписью: «Запретная зона». Причем в некоторых местах ограждение взбиралось на косогор, следовало по крутому склону и уходило далее в лес.

Но предостерегающую надпись и огороженную территорию можно было бы воспринимать как чью-то неудачную шутку, – кто же сюда попрется за сотни километров от жилья! – если бы не автоматчики в камуфляже, которые иногда мелькали между соснами, а порой деловито, закинув оружие за спину, шли по песчаному берегу.

Так что дела здесь обстояли серьезно.

Вода в реке была мутной, желтоватой. Быстрое течение подхватывало падающие листья и уносило их вниз. Повинуясь какому-то порыву, Виталий присел на корточки и черпнул ладонью мутную воду. На пальцах остался темно-желтый налет.

Проводник, стоявший за спиной, равнодушно сообщил:

– Золото.

– Что вы сказали?

– Я говорю, на руке золото осталось, – без должного пиетета пояснил Михаил Глебович, восьмидесятилетний старик. – Здесь его много.

– Так, значит, территорию для того и огородили, чтобы черные старатели не промышляли? – предположил Журавлев.

– Вовсе нет. Здесь золото по всей реке, что вверх по течению, что вниз. Если так, то нужно по всему берегу колючку протягивать. – Хмыкнув, дедок добавил: – На это никакой проволоки не хватит.

– Вот оно как. И что, здесь никогда черные старатели не шалили?

Михаил Глебович махнул рукой.

– Шалили! Да и сейчас, бывает, шалют, – безмятежно прогудел он. – Только ведь с золотишком у нас в России всегда строго было, что раньше, что сейчас. Пробу начнешь отбирать, а из-за леса выскочит какой-нибудь чин с охраной да и

повяжет. Никакие оправдания не помогут. Восемь лет тюрьмы безо всяких разговоров! С драгоценным металлом баловаться выходит себе дороже. – Задумавшись на секунду, он продолжил: – Хотя лет пятнадцать назад чего здесь только не творилось!

– Это когда страна разваливалась?

– Точно! Приезжали тут разные, хотели речушку между собой разделить. Дня не проходило, чтобы кого-нибудь не грохнули. Такие силы за ними стояли, что ого-го! – поднял он глаза к небу. – А сейчас как-то все устоялось. Тоже, конечно, золотишко ушлые люди намывают, но все больше на протоках да на ручьях, а сюда редко заходят.

– И что, нет никакой борьбы между группировками? – не поверил Журавлев.

– Возня, конечно, какая-то идет, но уже все равно не так шибко. По-тихому, что ли. Серьезный криминал не за золотом охотится, а за алмазами! А золотом промышляют те, кто этим делом и раньше занимался. Намыл несколько граммов и пошел продавать, а покупатель на него всегда найдется.

С рекой Вишерой у Михаила Глебовича Тарасова была связана вся жизнь, что и неудивительно. Родился он по соседству, в поселке Рудном, и с малолетства рыбачил на Вишере. А перед самой войной, после окончания горного техникума, был назначен начальником крупного участка, где добывали алмазы. Так и проработал там до самой пенсии.

Несмотря на преклонный возраст, держался Тарасов мо-

лодцом. Энергично преодолевал поваленные деревья, а по косогорам взбирался так, что ему мог бы позавидовать даже молодой сильный мужчина. Поэтому Журавлев считал большой удачей, что заполучил ветерана в качестве гида.

– А при Сталине как было?

Тарасов хмыкнул.

– Тогда особо не церемонились, увидит кто-нибудь из охраны на берегу работающего старателя, неслышно подойдет сзади и пальнет в голову. Так сказать, без суда и следствия. Таков был приказ, – развел он руками. – По закону военного времени. И все понимали, что так надо.

– А с трупом-то что делали?

– А что с ним делать? – всерьез удивился Тарасов. – Тут же выроют где-нибудь на берегу яму, да и бросят в нее покойника. Так что работники НКВД были и судьями, и прокурорами, и следователями, и исполнителями. Да и могильщиками тоже! Бывает, ходишь по берегу, смотришь, а из песка кость торчит. Река-то подмывает могилки. – Михаил Глебович не торопясь шагал по песчаному берегу, аккуратно перешагивая окатанные валуны. У старого кострища он ненадолго остановился, внимательно осмотрел сложенные рядом камушки и уверенно заметил: – Вот здесь недавно пробы на золото брали!

– Это под носом-то у охраны?

– А чему ты удивляешься? Может, сама охрана и намывала. Порядка-то сейчас куда меньше, чем при Сталине. Но

хочу тебе сказать, что вот это место было очень прибыльное. Золото на Вишере россыпное, коренного месторождения так и не выявлено, но вот на этом месте оно побогаче будет. Я так думаю, одна из золотоносных жилочек через это место проходит. – Подождав, пока Виталий подойдет поближе, Тарасов поинтересовался: – А чего ты к золоту-то так привязался? Оно ведь не больше чем пустячок по сравнению с тем, что на Вишере добывают.

– Алмазы?

– Вот именно, алмазы! – потряс указательным пальцем Михаил Глебович.

Журавлев обратил внимание на то, что ладонь у Тарасова была изрядно скрючена артритом, покрыта крупными синюшными узлами. Такие вещи получаются при постоянном воздействии на организм холодной воды. Не исключено, что в молодости старичок баловался старательством, да и сейчас может иногда грешить тем же промыслом, ведь на одну пенсию в нынешнее время не проживешь.

Будто бы устыдившись своей уродливой руки, Михаил Глебович неловко спрятал ее за спину.

– Алмазы на Вишере – главная ценность! Они вне конкуренции.

– А как в сравнении с ними якутские алмазы?

Раздраженно махнув рукой, Михаил Глебович без затей поведал:

– Херня эти якутские алмазы! Там их и в самом деле мно-

го, но в основном очень мелких. Попадаются, конечно, хорошие экземпляры, но очень уж редко. – Перешагнув через обгоревшее бревно, Тарасов продолжил: – До семидесяти процентов ювелирных алмазов в России добывают именно на Вишере! Так что здешние алмазы – уникальные!

– А в сорок пятом вы тоже были начальником участка?

Лицо Тарасова напряглось. В глазах, еще минуту назад таких сердечных, мелькнула настороженность. Вот и нет уже прежнего добряка, а есть старик, изведавший за свою жизнь немало лиха. Прошла долгая минута, прежде чем морщинистая физиономия Михаила Глебовича приняла прежнее беспечное выражение. Значит, существуют такие секреты, которые он не желает открывать даже и через шестьдесят лет. Но улыбаться до бесконечности не имело смысла, пауза-то затягивалась до неприличия!

– Да. Я был начальником участка.

– В то время на Вишере тоже добывали алмазы?

Михаил Глебович прокашлялся.

– Добывали, только это была очень большая тайна. Об этом знал очень ограниченный круг лиц. Но хочу сказать, что добыча алмазов во время войны была не меньшей, чем сейчас. А может быть, даже и больше! Ведь надо же было с союзниками за поставки расплачиваться. А лучше, чем алмазы, для этого ничего и не придумаешь.

– Так вы с самого начала знали, куда пойдут алмазы? – удивился Журавлев.

За мысочком начиналась огороженная территория. Надо было поворачивать назад. Но в обратную дорогу пускаться почему-то не хотелось. Наверное, потому, что тихая природа располагала к длительному общению. Михаил Глебович устроился на плоском валуне и коротким взмахом руки предложил майору расположиться рядом, на бревне, прибитом к берегу течением. Предложено это было так естественно, что у Журавлева возникло ощущение, будто Тарасов находится в собственном кабинете.

– Откуда! – почти возмущенно воскликнул старик. – Об этом я уже после войны узнал. А прояви я в то время любопытство, так мне бы в затылок выстрелили и в речку сбросили. – Лицо его слегка потемнело, видно, накатили воспоминания. – Бывали у нас такие случаи. Но алмазов тогда добывали много, это я тебе точно могу сказать. Отправляли их партиями. Особенно богатой была та, которую мы приготовили в сорок пятом. Это я хорошо помню, война вроде уже закончилась.

– И как же вы отправляли алмазы?

– Очень просто. Приезжал грузовик с тремя военными, которые и забирали у нас камни.

– А чем же вам именно та партия запомнилась?

– Алмазы крупные поперли, на какое-то гнездо, видно, натолкнулись. Среди них иные были просто уникальные. Много по десять карат и больше. Ни до, ни после того случая я таких больше не видел.

– И сколько же было крупных алмазов? – спросил Журавлев, стараясь не показать своего волнения.

– Да сотни!.. Мы ведь все эти алмазы описывали. Один экземпляр этого списка отправляли с грузовиком, другой уходил в НКВД. Где-то и сейчас, наверное, в архивах пылится. А третий оставался в конторе.

– Вы груз как-то запечатывали?

– Конечно, а как же без этого! – удивился вопросу Тарасов. Махнув рукой в сторону запретной зоны, он продолжал: – Там у нас большое складское помещение имелось, где мы хранили алмазы. Все по-простому делали, не как сейчас. Но охрана надежная была, с автоматами. Проверяли всех, и за территорию можно было выходить только по специальному разрешению. Мы все камушки подсчитывали, описывали, какого цвета, какого блеска, какого размера, взвешивали их, а потом ссыпали в плотные холщовые мешочки и печатями сургучовыми запечатывали. После эти мешочки укладывали в специальный металлический контейнер.

– А контейнер пломбировали?

– А как же! В нескольких местах печати ставили. И попробуй сорви хотя бы одну печать. Голову расшибут! Все это мы делали на виду у контролера и начальника смены, а за спиной при этом еще два автоматчика стояли. У нас даже мыслей не возникало, чтобы вынести алмазы. А потом, при той строгости, какая тогда соблюдалась, это было совершенно невозможно. – Старик заметно понизил голос: – Честно

тебе скажу, жить очень даже хотелось! Жизнь-то подороже всех этих алмазов будет.

– А куда грузовик с контейнером уезжал?

Старик пожал плечами:

– Да разве можно было о таком спрашивать! Лучше и не знать ничего.

– А сами вы как думаете?

– Есть у меня предположение. Скорее всего, в сторону поселка Изумрудный. Там находилась большая зона. Думаю, что какое-то время груз мог быть там. Но наше дело – сторона! Прояви я подобное любопытство, так сейчас бы с тобой не разговаривал.

– Грузовик приезжал по чьей-то команде?

– Конечно. По запросу начальника смены, он был полковником НКВД. Я ведь отвечал только за свой участок, а таких на Вишере было четырнадцать! В добыче полковник мало чего понимал, но за порядком следил строго. Фамилия у него такая смешная была – Стропила! Наверное, откуда-то с Украины. И сам он какой-то неотесанный был, как кусок горбыля. Уши большие, торчком, нос сломан, едва ли не на щеке лежал. Весьма неприятный тип. Я как его видел, так у меня всякий раз возникало желание взять рубаночек и пройтись по всем этим неровностям. Так вот, когда контейнер наполнялся, он тут же связывался с центром по телефону и докладывал, что груз готов к отправке.

– И как скоро приезжала машина?

– Как правило, уже через несколько часов. Из кабины выходил только один офицер, водитель всегда на месте оставался, а из кузова выпрыгивала пара солдат. Серьезные люди, – цокнул языком Михаил Глебович, – никогда ни с кем не разговаривали. Всегда при пистолетах, у каждого на поясе противотанковая граната висит. Загрузят контейнер и тут же в дорогу! Причем офицер всегда кузов снаружи еще закрывал.

– Строго, – сдержанно согласился Журавлев.

– Знаешь, у меня такое впечатление, что они даже машину минировали.

На перекате с шумом плеснула рыба.

– Откуда такое предположение?

– Все-то тебя интересует, майор! Я ведь немного с взрывным делом знаком. В начале войны в разведшколе учился, диверсионное дело проходил, думал, что за линию фронта пошлют, рассчитывал немецкие эшелоны под откос пускать, а меня на Вишере оставили, – в голосе старика прозвучала откровенная досада. – Так вот, хочу тебе сказать, что в грузовике как-то спустило переднее колесо. Я и вызвался его поменять. Солдатам-то не положено, они при контейнере состоят. Зыркают во все стороны, как будто бы и в самом деле какого-то нападения ожидают. А когда я передок домкратом поднял, посмотрел под днище, а там электродетонатор закреплен, а проводок от него в кабину тянется. Подрывная машинка у офицера, повернул ключ, замкнул цепь, и маши-

на взлетела на воздух.

– Что же это такое получается? Офицер сам себя, что ли, подрывать должен был? – засомневался Журавлев.

– Знаешь, я об этом много думал. Получается, что так. Это чтобы алмазы врагу не достались. Ты особенно этому не удивляйся, время тогда было такое, каждый готов был умереть. Если на войне не убили, так будь готов к тому, чтобы здесь погибнуть. Такова была логика.

– Интересные вещи вы рассказываете, Михаил Глебович.

– А ты не удивляйся и сам рассуди. Вот отбили, к примеру, у них алмазы. Каково им после этого? Им ведь все равно уже не жить. Наверняка бы к стенке поставили, ведь времена были ой какие суровые!

Вздоха Журавлев не услышал, а вот нотка гордости в голосе Тарасова прозвучала отчетливо. Даже в старости приятно осознавать, что ты являлся частичкой великого дела.

На противоположном берегу Вишеры, в том месте, где излучина была особенно крутой и где вода, совершая стремительный вираж, ударялась в крутой берег, выщелачивая глину, сидел мужчина в камуфляже и рыбачил. Примерно через каждые две минуты он взмахивал длинным удилищем, и на крючке, сверкая белой чешуей, трепетала рыба. Наверняка это был один из тех, кто охранял территорию. Имея свободный час, решил человек провести его с пользой – и сам приятно отдохнул, и рыбка хорошая на ужин будет.

– Места тут у вас рыбные, – заметил Журавлев.

Прищурившись, Тарасов кивнул:

– А чего им рыбным-то не быть, если речка покойниками подкормлена. Я здесь рыбачить не могу, как вспомню, сколько на этой реке людей сгинуло! Жуть берет!

Привстав, рыбак подцепил еще одну рыбку. В этот раз ему попался хариус, причем весьма приличных размеров. Рыба яростно извивалась, стремясь освободиться от стального жала крючка. Большого желания жить трудно было себе представить. Рыбак уже изготовился, чтобы вытащить улов на берег, но в последний момент, сорвавшись, хариус устремился в водоворот, сверкнув на прощание темно-фиолетовой спиной.

Желание жить победило.

– Вы все время в поселке живете?

– А где же мне еще жить? Двое сыновей у меня. Оба в городе обустроились с семьями. Чего же мне к ним навязываться? А в поселке хорошо. Свежий воздух. Выхожу иногда уточек пострелять. Люблю я это дело. Зимой, бывает, на кабанчика схожу. Старуха меня тоже понимает. Славная она у меня!

Губы деда разошлись в довольной улыбке. Зубы у него были желтые, потемневшие от времени и от табака, но зато свои.

– А чужой народ в поселок заходит?

Старик поднялся, майор Журавлев последовал его примеру. Тяжеловато разогнувшись, Тарасов размял поясницу и

ответил:

– Захаживают... Их сразу видно.

– А что это за люди?

– А хрен его знает! – честно признался Михаил Глебович. – Сейчас каких только нет. Может, ради любопытства приехали, а может, посмотреть, где что плохо лежит. Алмазы-то во все времена спросом пользуются. И могу сказать, что неучтенные алмазы с Вишеры идут, это я точно знаю. Вишерский алмаз я тебе на глаз от любого другого отличу, – убежденно заверил старик. – Может, через тех и уходят, кто в поселке объявляется.

Журавлев вытащил из кармана фотографии и протянул их Тарасову.

– Михаил Глебович, не могли бы взглянуть, может быть, вы знаете кого-нибудь из этих людей?

Близоруко прищурившись, Тарасов осторожно взял снимки, будто опасаясь их воспламенения. Это были обычные цветные фотографии, сделанные любительским фотоаппаратом. С фотокарточек на Михаила Глебовича смотрели молодые улыбчивые лица. Внешне весьма симпатичные ребята. Вот только завидовать им отчего-то не хотелось, что-то здесь было не так.

– Приезжали они в поселок, – вернул фотографии Тарасов. – Пробыли недолго, почти сразу же уехали.

– И что же они могли здесь делать?

– А кто их знает? Скорее всего, искали нужных людей. А

где сейчас они?

Журавлев аккуратно уложил фотографии в большой бумажник, стараясь не помять уголки. Мертвые требуют бережного обращения.

– Их уже нет. Нашли застреленными в затопленном карьере недалеко от поселка Изумрудный.

Лицо старика не изменилось. Нечто подобное он и предполагал. Слишком долгую прожил жизнь, чтобы чему-то удивляться.

– Молодые совсем. Жить бы да жить еще. А оно вот как сложилось.

– А может, сумеете что-нибудь вспомнить? Может быть, что-то бросилось в глаза или показалось подозрительным?

Рыбак уже аккуратно сложил удочку, сунул ее в длинный брезентовый чехол. Судя по всему, он был вполне доволен сегодняшним уловом.

Тарасов пожал плечами.

– Что-то определенное сказать трудно. Хотя вот что мне показалось странным – с ними были два милиционера.

Журавлев внутренне напрягся. И здесь два милиционера!

– Они были в форме?

– То-то и оно, что в гражданке, – озадаченно протянул старик. – Это меня и удивило.

– А может, это и не милиция вовсе?

– Милиция, это точно! Я ведь с ними всю жизнь бок о бок проработал. Взгляд-то у меня наметанный. Я их даже по по-

ходке и по глазам узнаю. А еще у одного из них под пиджаком пистолет выпирал, – дотронулся дед ладонью до пояса. – Вот здесь. Иному-то незаметно будет, но я-то сразу увидел. Кто же будет пистолет так носить, если не милиционер?

– Тоже верно, – невесело согласился Журавлев.

Возвращались прежней дорогой, проходившей вдоль берега. Место было красивое, берега густо заросли ивняком, а потому порой приходилось спускаться к воде, чтобы обойти разросшиеся кусты.

Неожиданно зелень раздвинулась, и Журавлев увидел мужчину крепкого телосложения в камуфляже, с кобурой на поясе.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – отозвался Журавлев. У него возникли самые нехорошие предчувствия.

– Предъявите, пожалуйста, документы.

В строгом взгляде не было ничего враждебного. Лицо простоватое, но с правильными чертами.

– Мы что-нибудь нарушили? – доброжелательным тоном поинтересовался Журавлев.

О настроении собеседника можно судить по глазам и по тональности, с которой он разговаривает. Виталий вслушивался в голос незнакомца, стараясь уловить в нем фальшивые нотки, но тщетно. Парень был спокоен. Угрозы от него не исходило.

– Здесь запретная зона, – показал он взглядом в сторону

ограждений.

Приближаться к ним человек в камуфляже не спешил. Держался на значительном расстоянии, не спуская с них внимательного взгляда.

– Но здесь-то не огорожено.

– Это неважно, – отозвался охранник. На сей раз его голос прозвучал отчужденно. – Тут всюду запретная зона. Там есть щит, а на нем написано, что ходить сюда нельзя.

Люди с оружием не склонны к долгим переговорам, подобную особенность следовало учитывать. Журавлев вытащил служебное удостоверение и развернул его перед незнакомцем.

– Майор милиции Журавлев. Областное УВД.

– Не самое подходящее место для прогулки вы выбрали, товарищ майор, – покачал головой человек в камуфляже. – Здесь специальное разрешение нужно. Лучше уходите отсюда.

– Уже идем. Ну что, Михаил Глебович, – обратился Виталий к старику. – Поторопимся?

Старик встрепенулся.

– Поторопимся. Находились уже, да и холодать что-то стало. Боюсь, опять спину прихватит.

Осторожно ступая с камня на камень, Журавлев выбрался на высокий берег. Помог старику, подтянув его за руку, и пошел вниз по течению уже быстрее. До ближайшей излучины шагать метров пятьсот, и Журавлева даже на значительном

расстоянии не оставляло ощущение, что боец в камуфляже сверлит его затылок колючим недоверчивым взглядом.

Глава 4

ПОЧЕМУ ТЫ СКРЫВАЕШЬСЯ?

Вероника так и осталась загадкой до сих пор. Она не была похожа ни на одну из женщин, которых Никита знал прежде. Порывистая, резкая, зачастую эксцентричная, Вероника не переставала его удивлять. Но с ней было интересно как в постели, где она проявляла себя незаурядной умелицей, так и в общении. Она могла пошутить, рассказать что-нибудь занятное, а когда нужно, так и помолчать. Вероника умела чувствовать его так, как до нее не удавалось ни одной девушке, и по первому же требованию, в любое время суток могла примчаться к нему домой с противоположного конца города.

Причем нельзя было сказать, что она была легкодоступной. Никите пришлось целых три месяца обивать ее порог, прежде чем удалось наконец уложить барышню в постель.

Никита с некоторым предубеждением относился к тем женщинам, которые отдавались уже после первого часа знакомства. О любви здесь говорить не приходилось, лишь обыкновенный животный интерес, который немедленно хотелось утолить. Однако после таких случайных встреч у Никиты иной раз завязывались самые бурные романы с такими женщинами, с чередой встреч и расставаний, со слезами радости и взаимными упреками. Но как бы ни складывались

их отношения, он никогда не мог простить дамочке своей слишком легкой победы. Женщину следовало завоевывать. Пусть поупирается хотя бы для вида.

Долгих ухаживаний Зиновьев тоже не переносил. Потому что после затяжных взаимных маневров обязательно возникал некий критический момент, когда отношения начинали пробуксовывать, а придать им дополнительный импульс было способно только соприкосновение двух обнаженных тел. Что бы там ни говорили, но при тесном контакте возникает сильнейший электрический заряд, который ведет к еще более плотному соитию. А если объект обожаем, то от физической близости запросто сносит башню. Все происходящее постоянно воспринимается как в тумане.

Никита частенько вспоминал свою первую любовницу, девушку из параллельной группы – Ларису, которой он сумел добиться сразу после того, как привел ее в родительскую квартиру. Странность заключалась в том, что их сексуальный экскурс проходил несколько часов кряду, но сам Никита из происходящего практически ничего не помнил, разве только несвязанные фрагменты: кафельную стену кухни, паркет в зале, перепачканный пододеяльник и, что самое интересное, металлические прутья ограды на балконе. Он так и не сумел припомнить, какого дьявола потащился на балкон в голом виде. Но на следующий день соседи провожали его лукавыми и одновременно понимающими улыбками.

С самого начала их отношений Вероника не держала жест-

кую круговую оборону, была в меру доступна и даже позволяла иной раз запустить руку под узкие трусики, но когда дело подходило к главному, неизменно оставалась твердыней. За три месяца ухаживаний, к собственному изумлению, Никита сумел проявить себя как тонкий ловелас и ни разу не пришел на свидание без букета. Правильнее было сказать, что он стремился завоевать Веронику, старался ей понравиться, показать себя с самой лучшей стороны. И впоследствии Вика признала, что это ему удалось в полной мере.

От процесса ухаживания он испытывал удовольствие не меньше, чем сама Вероника, а потому, когда их отношения все-таки дошли до постели, эта близость вызвала такой физический и духовный восторг, от которого невольно перехватывало дыхание. Может, именно поэтому они и остались интересны друг другу даже после трех лет разлуки. Их воссоединение произошло так же естественно, словно они не разлучались совсем.

В первую встречу после их долгой разлуки Никиту мучила мысль, что совсем недавно Вика принадлежала другому мужчине, и в голове его возникали сцены одна безобразнее другой. Но после их близости, после того, как она была нежна с ним, отчуждение как-то рассосалось, и Вероника будто выросла в него, сделавшись одной из составных частей его существа.

Возможно, что в скором времени они окончательно соединились бы, стали бы одним целым, но помешал разговор

об алмазах, которой она завела в их последнюю встречу. Откуда ей было знать о контейнере с алмазами? Может, стоило принять ее предложение и, объяснившись с Бармалеем, разбежаться в разные стороны? А там – как бог рассудит!

Сама по себе Вероника неопасна, следовало остерегаться тех людей, которые сообщили ей об алмазах. Это во-первых. А во-вторых, у него действительно пропал фотоальбом, о котором она обмолвилась. Сам Зиновьев называл его донжуанским списком, в нем хранились фотографии женщин, с которыми он когда-то был близок. Некоторые из этих снимков были настолько откровенны, что даже фотографии в стиле «ню» выглядели по сравнению с ними картинками из «Мурзилки». Причем для того, чтобы сфотографировать дамочек, Никите не приходилось даже проявлять особой инициативы, сплошь и рядом она исходила от них, и ему приходилось только нажимать на кнопку фотоаппарата. Наиболее стеснительные натуры при этом закрывали лица руками, оставляя для обозрения все остальное.

Подобную раскованность Никита воспринимал как желание девушек раскрыть свои нереализованные возможности. Проявить себя в качестве фотомоделей. Потерянный альбом, конечно, было жаль. Кроме творческого начала, воспоминаний, в него были вложены чувства.

Так что, по большому счету, было о чем жалеть. Тем более странным было то, что об исчезновении альбома узнала Вероника. Никита показывал ей этот альбом. Она сдержанно

перелистывала его страницы и, посмотрев последнюю фотографию, заинтересовалась с некоторым вызовом:

– А меня ты тоже будешь фотографировать?

Слегка смутившись, Зиновьев пообещал этого не делать. Но однажды, когда она осталась у него ночевать, в нем неожиданно проснулся фотохудожник, и он сделал три снимка. Причем на одной из фотографий запечатлел и себя, обнажившись по пояс. Никакой пошлости, все в пределах приличия. Ноги Вероники он закрыл легким покрывалом, а для большей художественности слегка приоткрыл грудь. Проявив пленку и отпечатав фотографии, Никита признал, что эти снимки были вершиной его мастерства, и после некоторого колебания поместил их в альбом.

Однажды, не удержавшись, он показал ей эти фотографии. Вероника посмотрела снимки и сухо потребовала:

– Я хочу, чтобы ты их уничтожил.

– Обещаю, – кивнул Зиновьев, совершив над собой определенное усилие.

Но разорвать или сжечь фотографии он так и не смог, не хватило сил. И вот теперь они пропали.

Никита остановил машину, но выходить не спешил. Следовало получше осмотреться, пренебрегать безопасностью никак было нельзя. На первый взгляд вокруг не замечалось ничего настораживающего. Теплый вечер выгнал половину жильцов дома на улицу, да и место располагало к приятному времяпрепровождению. Двор утопал в зелени, привычно

галдели под деревьями дети, у подъездов на лавочках сидели старухи, а сторонники активного образа жизни, заложив руки за спину, фланировали вдоль подъездов.

Вроде бы все в порядке. Никита уже было взялся за ручку, чтобы распахнуть дверцу машины, как в оконце представало лицо старика с непричесанными, неопрятными патлами, торчащими в разные стороны. Еще один российский типаж. Сейчас начнет просить рубль за охрану тачки, и попробуй не дай! Возьмет да ковырнет втихаря гвоздем по боковине, и товарному виду конец!

И, только всмотревшись, он узнал в этом старике родного деда. Старик уже в который раз удивил Никиту – надо же, какой мастер перевоплощений, блин!

Никита распахнул дверцу. Дед, подобрав полы старенького плаща, устроился в кабине и, неприязненно поморщившись, объявил:

– У тебя здесь бензином пахнет.

Выглядел дед непривычно. Из-под серой клетчатой кепки во все стороны торчали волосы соломенного цвета.

– Есть немного, – обескураженно признался Никита. – Надо бы карбюратор посмотреть, да как-то все некогда.

– Ты уж посмотри, – захлопнул дверцу старик, – а то ведь так и задохнуться можно.

– Почему ты не объявишься?

Старик невесело хмыкнул:

– А ты думаешь, что мне жить надоело? Не угадал, поживу

еще, но пока в одиночестве.

– И где же ты остановился?

– Есть одна хата, – неопределенно протянул старик.

Взгляд у деда был цепкий, от его внимания не пряталась даже малейшая деталь. Он не доверял даже старухам, сидящим около подъездов.

– Так что ты скажешь?

По просьбе деда встречу со скупщиком алмазов Арсеном Зиновьев перенес. Получив такое известие, Арсен постарался держаться спокойно, но в его тоне невольно прорывалось раздражение.

– Пробил я твоих армян, – наконец сообщил старик. – Для них ты подарок. Подобных камней у них никогда не было. Судя по тому, что я о них узнал, могу сказать, что с ними можно иметь дело.

У Никиты где-то под ложечкой радостно заныло.

– Назначить встречу?

– Да. Можно продать и более крупную партию алмазов. Для встречи выбери пустырь около парка. Это место просматривается со всех сторон. Если что, затаиться будет сложно, а если кто-то будет подходить, так я тебя предупрежу.

Внук согласно кивнул:

– Понял.

– Мне надо идти.

– Как тебя найти?

– Это лишнее. Подойдешь к нашему тайнику. Там узна-

ешь, когда именно встретимся.

– Хорошо.

Дед вышел из машины и, не оборачиваясь, пошел по тротуару.

Глава 5

ИНФОРМАТОР САВЕЛЬЕВ

Возглавив областное управление ФСБ, Виктор Ларионович Яковлев не отказался от работы с информаторами. В этом не было ничего удивительного, у каждого опытного оперативника имеются свои источники, связи, наработанные годами, а потому глупо было бы передавать их какому-то третьему лицу. Кроме того, всегда существовал риск, что новый человек не сумеет должным образом распорядиться связями, да и люди эти не будут доверять неизвестному. А доверие это и есть самое существенное.

Как бы там ни было, но между оперативниками и информаторами часто возникает нечто вроде душевной привязанности, у которой есть перспективы перерасти в самую настоящую дружбу. Так получается, что оперативники часто решают какие-то проблемы своего информатора, и тот работает уже не только за вознаграждение, хотя деньги в этих взаимоотношениях тоже представляют весьма существенный момент, а еще из чисто дружеских чувств.

Своих информаторов Яковлев не передавал никому. И по мере того, как рос по служебной лестнице, он обрастал агентами, как дерево листвой. В этом Виктор Ларионович не видел ничего дурного, у него всегда была возможность продуб-

лизовать полученную информацию, проверить, не ведет ли его информатор двойную игру, ведь всегда важно составить собственное мнение по какому-то вопросу.

Ценность сложившейся ситуации заключалась еще в том, что вместе с ним росли и его информаторы, занимая со временем руководящие посты в своих ведомствах, а это означало, что получаемые от них сведения носили еще более ценный и уникальный характер.

Подчас на совещаниях, вызывая немалое удивление подчиненных, Виктор Ларионович, к слову, мимоходом подбрасывал такие факты, которые нередко способствовали разрешению сложного дела. Присутствующим оставалось только удивляться осведомленности генерала и гадать, откуда он берет такие факты.

Так что агентов полагалось ценить и даже по-своему любить их. А с некоторыми из них он даже обмывал свои звездочки и очередные назначения.

Повесив генеральскую форму в шкаф, Яковлев отправился на встречу с информатором. Узнай коллеги о его страстишке встречаться с агентами во внеурочное время, так наверняка выразили бы недоумение. В конце концов, у него в руках такие рычаги власти, что только приказы, так даже жар-птицу из-за семи морей в пять минут приволокут. А он, как рядовой опер, торопится в безлюдный скверик, чтобы наедине переговорить с информатором.

В этот раз генерал шел на встречу с Леонидом Петрови-

чем Савельевым, начальником летного отряда.

Сотрудничество их началось двенадцать лет назад, когда Яковлеву, тогда еще капитану КГБ, было поручено расследовать дело о валютных сделках. Вот тогда-то в поле зрения оказался второй пилот «Ту-154» Леонид Савельев, частенько совершавший рейсы в столицы некоторых стран Западной Европы. В результате оперативных мероприятий было установлено, что, кроме бытовой аппаратуры, которую привозил с собой каждый летчик, Савельев подрабатывал еще и тем, что занимался валютным обменом и, судя по оперативным данным, уже сумел сколотить нешуточное состояние.

Это в нынешнее время доллары можно обменять едва ли не на каждом углу, а тогда за подобную деятельность могли запросто поставить к стенке. И нужно было до самозабвения любить деньги, чтобы заниматься столь рискованным бизнесом.

Савельев попался на банальной подставе, которые контро-ра тогда проводила десятками. Однажды к нему за помощью, демонстрируя легкий прибалтийский акцент, обратился молодой человек. Как только Леонид Петрович забрал разменную тысячу долларов, так мнимый прибалт с иезуитской улыбкой, представившись сотрудником контрразведки, раскрыл перед его глазами удостоверение и попросил проследовать в машину.

Савельев в тот момент испытал самый настоящий шок и в первые минуты даже ничего не мог сказать. Внутренне он

уже был полностью сломан и представлял себя на нарах в компании золотозубых уркаганов. Яковлеву оставалось в тиши служебного кабинета лишь довершить дело и склонить его к сотрудничеству.

Как только капитан Яковлев расписал грядущие перспективы, ненавязчиво упомянув о том, что жить парню остается теперь совсем немного, Савельев покрылся таким обильным потом, словно только что выскочил из-под сильного душа. Сделав задумчивое лицо, Яковлев сказал, что в его силах помочь Леониду Петровичу выкрутиться из нехорошего положения, но для этого тот должен будет каждый месяц в письменной форме докладывать ему обо всем, что происходит в авиаотряде. Разумеется, это будет учтено, Савельев даже будет поощряться материально и по возможности его будут продвигать по службе. А еще через минуту Яковлев уже диктовал текст, в котором второй пилот «Ту-154» Леонид Петрович Савельев добровольно, без всякого принуждения, изъявлял желание сотрудничать с органами госбезопасности.

С тех пор прошло немалое время. Их встречи уже давно переросли официальный характер, если так можно выразиться. В какой-то степени они даже стали хорошими приятелями. Сдерживая свое слово, Яковлев, как мог, протезировал своему агенту в продвижении по служебной лестнице. У Савельева обнаружился самый настоящий талант информатора, его донесения отличались четкостью, насыщен-

ностью фактами, а главное, были невероятно полезными в работе. Поначалу Яковлев планировал использовать Леонида Петровича по мере надобности, но впоследствии их контакты стали постоянными.

Теперь Яковлев имел информацию практически обо всех людях, которые так или иначе вступали с пилотом в контакт. Савельев благодаря своей незаурядной наблюдательности умел подмечать сильные и слабые стороны сотрудников авиаотряда, а потому нередко подсказывал, как их стоит использовать.

За долгие годы их общения докладные, написанные Савельевым, составили несколько томов, которые Виктор Ларионович хранил в одном из своих сейфов. Но особенно тщательно он оберегал первую бумагу, в которой летчик изъявлял желание к сотрудничеству.

Дважды Савельев заговаривал о том, что ему хотелось бы получить назад эту бумагу, – в конце концов она уже не играет особой роли! – но всякий раз Яковлев деликатно переводил разговор в другое русло. Подобная просьба даже немного умиляла теперешнего генерал-майора, его деловые отношения с Савельевым зашли настолько далеко, что тот был вправе требовать, чтобы его включили в штат ФСБ с присвоением очередного воинского звания, а он настаивал всего лишь на какой-то бумаге, с которой началось их сотрудничество.

Открыв сейф, Виктор Ларионович взял совсем тонкую

папку. В ней было десятка два листочков, в которых выражалось желание о сотрудничестве. Некоторые из них чуть пожелтели от времени, уголки листов слегка поистрепались и свернулись. Но эти листки по-прежнему являлись весьма серьезными документами. Некоторые из его информаторов за это время сделались ведущими специалистами в своих организациях, другие просто продвинулись по службе.

У каждого был свой путь в информаторы. Четверо захотели поиграть в разведчиков и вышли на контакт сами, а потому Яковлев называл их идейными или романтиками. Часто донесения этих людей нуждались в дополнительной перепроверке, что существенно снижало их ценность как агентов. Но большая часть шла в информаторы из-за денег. К таким людям Яковлев всегда относился с особой настороженностью. Если они любят деньги, то существует вариант получить двойного агента, а то и тройного. Наиболее надежными он считал тех, кого удалось зацепить на чем-то существенном, кто работал не из-за эмоциональных душевных красок, не из-за материальных благ, а из страха быть разоблаченным.

Савельев как раз был из этой вот третьей группы.

Взяв нужный листок, уже изрядно истрепавшийся по углам, Яковлев сложил его вчетверо и сунул во внутренний карман.

На окраине города у него была конспиративная квартира, где он встречался со своими информаторами. Место неприглядное, вдали от трасс, рядом парк, здесь при желании мож-

но было не только самому спрятаться, но и укрыть автомобиль. Не менее важным обстоятельством являлись соседи – полуспившийся контингент. Все они поголовно считали, что Виктор Яковлев работает в вымирающем НИИ, и при встрече всякий раз советовали ему устроиться рабочим на соседний мясокомбинат, где можно будет иметь существенный приварок к столу. Яковлев понимающе кивал, но всякий раз откладывал свое трудоустройство.

С Савельевым Виктор Ларионович договорился встретиться даже не в помещении, а на углу дома. Долгого разговора не планировалось, а потому, выкурив по сигарете, можно будет разбежаться в разные стороны.

Подойдя к дому, Яковлев увидел, что Савельев уже ждет его. Прислонившись к шершавому стволу старого клена, он мирно попыхивал сигаретой. Виктор Ларионович никогда не шел на встречу сразу, не оглядевшись. Минуту-другую он наблюдал за информатором, стараясь определить его настроение, после чего выстраивал предстоящий разговор в зависимости от состояния собеседника.

Контрразведчик просто обязан быть хорошим психологом. От этого во многом зависит результат его работы. Савельев сделал несколько глубоких затяжек, выпустив дым через нос. Для знающего человека его поведение могло говорить о многом. Информатор был чем-то взволнован, следовало расположить его к себе с первой же минуты.

Сунув руку в карман, Яковлев нащупал припасенный ли-

сток бумаги и направился к месту встречи.

– Привет, Леня, – Яковлев протянул руку.

– Здравствуй, Витя, – поспешнее, чем следовало бы, отозвался Савельев, пожав протянутую руку.

Для подавляющего большинства сотрудников Яковлев был «товарищ генерал-майор»; для более узкого круга лиц – Виктор Ларионович, и уж совсем для немногих он оставался по-прежнему Витей. Собственно, Яковлев и не возражал против подобного обращения, ведь Савельев знал его еще в то время, когда он ходил в младших офицерах и даже не предполагал, что когда-нибудь ему удастся дослужиться до генерала. Было бы глупо требовать сейчас соответствующего обращения, в этом случае нарушалось главное требование работы с информатором – доверительность.

Протянув листок бумаги, генерал сказал:

– Вот то, о чем ты меня просил. Узнаешь?

Ларионов осторожно взял листок.

– Что это?

– А ты взгляни.

Виктор Ларионович цепко наблюдал за его реакцией. Недоумение, отразившееся на его лице в тот момент, когда он взял бумагу, сменилось заинтересованностью.

– Тот самый? – удивленно спросил он.

Яковлев улыбнулся.

– А ты прочитай. Да и чего ради стал бы я тебя обманывать?

– Нет, но...

– Вот ты скажи мне, за все это время я тебя хоть раз обманул?

– Нет, пожалуй, – после некоторого раздумья признал Савельев.

– Ну, вот видишь, тогда чего же мне тебя сейчас надувать? Мы же друг друга знаем тысячу лет!

– Тоже верно. Спасибо, – проникновенным голосом произнес Савельев.

– Ты можешь порвать бумагу.

Леонид отрицательно покачал головой:

– Нет, я ее сохраню. – Сложив вчетверо лист бумаги, он аккуратно положил его в карман.

Вот теперь Савельев был настроен благодушно. Теперь можно приступить к главному.

– Какой экипаж чаще всего летает в Армению?

Савельев достал сигарету, похлопал ладонями по карманам, но зажигалки не обнаружил.

– Огонька у тебя не будет?

– Пожалуйста.

Виктор Ларионович вытащил зажигалку, спрятав огонек в ладонях от порыва ветра, поднес его к лицу Савельева. Яркая вспышка высветила под его глазами темные круги. Яковлев невольно отметил, что за последний год Леонид заметно осунулся.

Глубоко втянув в себя дымок, Савельев сдержанно побла-

годарил.

– Спасибо. В основном туда летают три экипажа. Но чаще других экипаж Максима Сергеева.

– Что он за человек?

– Как все. Не хуже и не лучше других. Я с ним учился в летном училище. Человеком нараспашку его, конечно же, не назовешь, эта личность себе на уме.

– Он способен на провоз контрабанды? – прямо спросил Яковлев.

– Хм... Себя подставлять он ни за что не будет. Но если вдруг появится возможность неплохо подзаработать, то вряд ли он от нее откажется. Ведь пилотов особенно не проверяют, сунул в карман какую-нибудь небольшую бандерольку, да и иди себе в кабину!

– А ты что-нибудь подобное за ним замечал?

– Как же не заметить! – откинув голову назад, усмехнулся Савельев. – У него недостаток появился. Чем его объяснишь? Вот недавно он свой «Фольксваген» на новый «БМВ» поменял. А ведь «Фольксваген» тоже не старый был.

Яковлев пыхнул в сторону дымком. Уже в который раз он пытался бросить курить. Сумел продержаться целых две недели и вот сейчас вдыхал дымок с особым настроением. Виктор Ларионович слышал о том, что, для того чтобы бросить курить, следовало бы внушить себе отвращение к табаку. Однако подобная психотерапия с треском проваливалась, стоило ему только почувствовать запах первоклассного

табака.

– Что ты еще заметил?

– Раньше я как-то не придавал этому значения, но однажды прямо перед рейсом встретил его с каким-то молодым армянином. Я тогда хотел подойти к ним, но по выражению лица Максима понял, что разговор у них какой-то напряженный. Причем настолько серьезный, что он меня даже не заметил. А я ведь совсем рядышком проходил. И еще одна деталь. Я тут с ним как-то летал несколько раз в Ереван, так вот, его там обязательно кто-нибудь встречал. Вот только непонятно зачем? Мы все в гостиницу направляемся, а у него вдруг какие-то дела появляются.

– И чем же все это заканчивается?

– А ничем! Потом они его обратно привозят. Однажды я даже видел, как он одному из этих армян передал маленькую коробочку.

– Какая она из себя? – несколько поспешнее, чем следовало бы, спросил Яковлев.

– Ничего необычного в ней не было. Немного больше, чем спичечный коробок, перетянута синей изолентой.

– Как это происходило?

– На первый взгляд не случилось ничего особого. Сергеев отошел от нас и отправился в зал ожидания. Перемолвился с каким-то армянином несколькими фразами и пошел в летнюю гостиницу.

– А как ты сам оказался в зале ожидания, следил, что ли,

за ним? – прищурился генерал.

Савельев усмехнулся:

– Было бы с чего. Я с инспекцией в тот раз прилетел, а меня в зале ожидания тоже встречали, письмо нужно было передать. А потом я к своей знакомой пошел, чтобы время не пропадало, она в ресторане работала.

– Ты мне не рассказывал об этом эпизоде, – перебил Яковлев.

– Посчитал его слишком уж незначительным. У нас подобные вещи не считаются контрабандой. Кто-то просит письмо в ящик опустить, кто-то маленькую бандероль передать. Ну, сам посуди, одно дело отправлять бандероль по почте, и другое дело – самолетом. Каких-то три часа – и на месте! У нас за это даже такса установлена. Со своих берем побожески, ну а если кто со стороны, тогда другое дело.

Яковлев с отвращением отшвырнул сигарету. Едкая горечь буквально разъедала его носоглотку. Трудно было понять, то ли табачок и в самом деле был отвратительного качества, то ли сыграло свою роль самовнушение.

– Ты вот что, Леонид, сделай, – генерал-майор слегка поморщился. Надо обязательно попить кофе, чтобы вытравить из горла горчичный привкус. – Понаблюдай за этим Сергеевым. Он мне очень интересен. Если выявится что-нибудь любопытное, так обязательно дай знать.

– Хорошо.

– Ну а сейчас давай распрощаемся.

На лице Савельева промелькнуло облегчение. А может, генералу это просто показалось?

Кивнув на прощание, Леонид быстро пошел в свою сторону. У Яковлева не проходило ощущение какой-то недосказанности. Такое впечатление, что Савельев что-то от него утаивал. Виктор Ларионович привык к прозрачности отношений, тем более когда это касалось информаторов. Даже походка способна весьма многое поведать о человеке. Куда же подевалась его прежняя легкость? Плечи ссутулились, будто на них возложили могильную плиту. Надо будет приглядеться к нему как следует, уж не завел ли он нового хозяина?

Развернувшись, Яковлев направился в сторону подъезда. Свои дела он еще не закончил. Неожиданно его кто-то окликнул. Повернувшись, он увидел жильца из соседней квартиры.

– Так ты не надумал? – весело спросил тот.

– Что именно? – удивился Яковлев.

– Да ты чего! – удивился мужичонка. – Мы же с тобой сколько об этом говорили. Устраивайся на мясокомбинат, вот так жить будешь! – он вскинул вверх большой палец. – Через год тачку приличную купишь.

Пришлось немедленно входить в образ. Не привыкать!

– Да там, наверное, человека со стороны еще и не возьмут. Без рекомендации-то, – вставил ученое словечко Виктор Ларионович.

Сосед дружески похлопал Яковлева по плечу и многозначительно пообещал:

– Не робей, я за тебя словечко замолвлю. Ты мне флакон как-нибудь поставишь между делом, на этом и сочтемся! – проглотил слюну мужичонка. – Лады?

– Договорились, – дал решительное согласие Яковлев. – Все, увольняюсь из НИИ! Иду на мясокомбинат. Все равно никаких перспектив, – безнадежно махнул он рукой. – Да и начальник у меня мерзавец порядочный, – надул губы Яковлев.

– Все верно, – охотно поддакнул сосед, – надо ведь как-то жить. – Короче, завтра давай заваливай ко мне где-нибудь после обеда, обмозгуем. Хотя нет, завтра не получится, у свояка день рождения. Думаю, зависну у него на пару дней. Так что давай дня через три! Только флакон не забудь. Хе-хе-хе, – показал он почерневшие обломки зубов. – Отметим твое новое назначение. Ну, давай, разбежались, держи кардан! – протянул он узкую ладонь. – Тороплюсь! Иначе кореша поллитровку без меня уговорят.

Сосед ушел. Надо будет навести своих на этот мясокомбинат, что-то там не все в порядке. Пусть займутся им поплотнее.

Глава 6

НЕПРИМЕТНЫЕ ЛЮДИ

Самые неприметный народ в любом городе – это старики и дети.

На эти две категории, в силу их совершенной безобидности, люди меньше всего обращают внимания. Ну кто может заподозрить в особой злонамеренности двенадцатилетнего пацана, стоящего у подъезда? А ведь именно из таких сорванцов получаются прекрасные наводчики. Вследствие своей гибкой психофизики они прекрасные актеры, а кроме того, способны подмечать детали, которые не заметит ни один взрослый человек.

Старики столь же малозаметны. Кому в голову придет подозревать в чем-то криминальном деда, бредущего с палочкой по улице.

Но с некоторых пор Сергеев стал относиться к старикам с заметным предубеждением, понимая, что за плечами каждого из них большая жизнь, которая не всегда протекала безоблачно. А морщинки у глаз не всегда свидетельствуют о задорном смехе, они могут оказаться результатом постоянного прищура, с которым приходится смотреть в оптический прицел винтовки.

Перемена в его взглядах произошла после встречи с Де-

дом. Чувствовалось, что новый знакомый Максима как раз из таких. Люди подобного склада никогда не мучаются угрызениями совести, они предпочитают нажимать на курок первыми. Возможно, именно поэтому они и доживают до преклонного возраста. Перешагнут через труп, как через кучу дерьма, и двинутся далее своей дорогой.

С такими людьми лучше не встречаться, но уж если судьбы пересеклись, так лучше вынести из подобной встречи максимум ценного. И прежде всего не следует им перечить. Ведь, судя по тому, как держался старик, можно было предположить, что он не однажды скручивал головы непокорным. И обязательно нужно настроить такого собеседника на благодушный лад – не у всякого появится желание ткнуть кулаком в улыбающуюся физиономию.

А ведь представился-то тогда он как добродушно. Дед! Эдакий состарившийся бармалей из страшилки для взрослых. Такие старики, как он, обычно не страдают несварением желудка и способны любого схватить за один присест.

Двигаясь по переполненным залам, Максим невольно ловил себя на том, что в массе народа он пытался глазами выловить знакомого старика из страшной сказки. И всякий раз испытывал настоящее облегчение, когда тревога оказывалась ложной.

Максим уже начинал забывать о существовании Деда и с удовольствием подумывал о том, что старичок взял да и неожиданно преставился от старости, так и не осуществив

своих дурных намерений. Сергеев попытался жить весело, не напрягая себя тяжелыми думами. Даже успел завести ни к чему не обязывающий роман со стюардессой из соседнего экипажа. А когда завалил ее в постель, то был немало удивлен, что идти ему пришлось по «целине». И это с ее-то роскошными формами!

О произошедшей встрече с Дедом он уже начинал забывать. И, как выяснилось, зря!

У пилота, как и у моряка, едва ли не в каждом городе имеется по невесте. Приятнее проводить время не в казенных гостиницах, а в уютной квартире, где можно не только прекрасно отдохнуть до вылета, но и поесть чего-нибудь домашнего. А в Ригу Сергеев всегда летал с большим удовольствием, потому что официанткой в одном из тамошних баров работала его давняя знакомая, которая, кроме сдобного тела, могла еще предложить и качественную ресторанный выпечку, до которой Максим был особенно падок.

Встреча с Дедом произошла на городском рынке, где он выбирал для своей подруги розы. Прохаживаясь вдоль цветочного ряда, он остановился наконец около торговки, предлагавшей темно-красные бутоны, и уже начал было торговаться, как услышал за спиной знакомый старческий голос:

– Я бы советовал вам купить у той женщины, которая стоит справа. У нее восхитительные розы! А стебли какие длинные. Уверяю вас, цветы будут стоять в вазе очень долго.

Кого Максим не ожидал повстречать на здешнем рынке,

так это Деда. Не оставалось сомнений, что их встреча произошла далеко не случайно. Следовательно, все это время Дед не выпускал его из поля зрения и контролировал каждый его шаг.

На них уже стали обращать внимание, а наиболее навязчивые продавцы предлагали свой товар.

– Возьмите у меня цветочки, молодой человек, – выставила вперед охапку роз бабулька внушительных размеров. – Только сегодня срезала, посмотрите, как они хороши!

– Посмотрите у меня! – подскочила женщина средних лет в пестром платке. – Цветочки один к одному.

Старик, не обращая внимания на их призывы, направился к женщине лет сорока, которая в окружении цветов выглядела будто в розарии. Повернувшись к Максиму, Дед спросил:

– Сколько вы хотите взять цветов?

– Штук семь, – уныло отозвался Максим.

– Прекрасное число, – восторженно отозвался Дед. – У вас очень хорошо развит эстетический вкус. – Повернувшись к женщине, он добавил: – Знаете, что мы сделаем? Я возьму вот эту розу, еще вот таких парочку. Теперь вот эту... Замечательный цветок.

– Возьмите эти цветочки, – встрепенулась женщина. – Уверяю вас, они будут долго стоять.

– Беру! Вижу, что у вас тоже хороший вкус.

– Может, вам завернуть?

– Ни в коем случае! – воспротивился Дед. – Не будем пор-

тить букет. Цветы всегда хороши сами по себе, так что никаких оберток. – Расправив цветы, он протянул их Сергееву и сказал: – Расплатится вот этот молодой человек.

Максим отсчитал деньги и протянул их торговке. Дед акkuratно взял его под локоток и повел в сторону.

– Надеюсь, у вас все в порядке? – проникновенно поинтересовался Дед.

Сергеев невольно поморщился, от вкрадчивой душевности старика сводило скулы.

– Вам не стоит беспокоиться. Со мной все в порядке.

– Ну и слава богу, – облегченно вздохнул старик. – А то по вашему виду этого совершенно никак не скажешь. А может, у вас побаливают зубы? – поинтересовался он участливо. – Так я могу порекомендовать вам прекрасного дантиста. Он просто творит чудеса! Если бы я не знал, что он сам мастерит протезы, так я бы подумал, что он их просто выращивает.

– Что вы от меня хотите? – едва сдерживая раздражение, спросил Сергеев.

– Я хочу сказать, что наши с вами зарубежные встречи стали традиционными. Первый раз мы встретились в Брюсселе, в кафе «Летучий голландец», а сейчас вот в Риге, на городском базаре. Это вам ничего не напоминает?

– А что же, по-вашему, мне это должно напоминать? – скрывая раздражение, спросил Максим.

Хихикнув, старик заговорил:

– Мы с вами работаем, как два резидента на чужой тер-

ритории. Предпочитаем выбирать малозаметные места, диалог ведем конструктивный, быстрый, чтобы нас не засекли. Хотя, если говорить серьезно, то чем мы занимаемся, дело опасное, и вряд ли за контрабанду вас погладят по головке. – Старик подозрительно посмотрел на Максима и продолжил. – Но вы все что-то молчите. Такое впечатление, что вы мне совсем не рады. Знаете, это даже немного обидно, а я ведь специально прилетел из Лондона в Ригу, чтобы повстречаться с вами.

– Может, вы напрасно проделали этот путь?

– Что-то вы стали какой-то колючий. Или мне это показалось?

– Какой уж есть, – буркнул Сергеев.

– Тогда я хочу спросить у вас, – ласковым голосом продолжил Дед, – вы с пользой потратили деньги, которые я вам выдал?

– Можете не сомневаться... – скрипнул зубами Максим.

Остановившись около газетного киоска, старик приступил к более обстоятельному разговору. На них никто не обращал внимания. Продавцы потеряли к ним интерес как к потенциальным покупателям, теперь они зазывали других. Так что можно было не опасаться, что кто-то их услышит.

– Значит, вы не потеряли интерес к дополнительному заработку. – И, не дожидаясь ответа, Дед продолжил: – Вот и отлично! Я знал, что мы с вами поладим. У меня имеется информация, что скоро появится еще одна партия алмазов.

Так что будьте готовы. И не забудьте сообщить мне, если в этой посылке будет «Султан». Вы ведь понимаете, о чем я говорю?

– Да.

– Вот и отлично. А ваша буфетчица любит именно красные розы?

– Вы знаете и про нее? – оторопело спросил Сергеев.

Ответом была многозначительная улыбка.

– Вы недооцениваете меня. Я много чего знаю. – Пальцы старика разжались, локоток Сергеева получил свободу. – Приятно было увидеться. Жду вашего звонка.

Глава 7

ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ В РАЗВЕДКЕ

Вероника пришла через несколько минут после того, как он спровадил агента. Явилась на целых сорок минут раньше условленного времени, что очень не понравилось генералу. Ведь могла произойти обыкновенная накладка. Пришлось бы что-то придумывать, если бы она столкнулась с его информатором. Хотя Виктор Ларионович не однажды подмечал, что агенты частенько задерживались у его дома, чтобы увидеть очередного посетителя. Причем таким делом грешили даже самые доверенные личности. Поэтому Яковлев назначал свидания агентам через большие промежутки времени, чтобы хватило времени выпроводить очередного информатора и принять следующего. Конечно, было бы лучше поговорить с Вероникой в более формальной обстановке, поскольку стол, сукно и официальный тон действует на женщин отрезвляюще. Возможно, удалось бы избежать слез, которые Яковлев просто не выносил, но это означало засветить своего человека, а потому приходилось идти по длинному пути.

Женщина в спецслужбах – тема особая. А все потому, что устроена она несколько тоньше, чем мужчина. На мужика можно прикрикнуть, порой даже обматерить за некоторые

провинности, зная при этом, что он терпеливо снесет начальственный гнев, потому что прекрасно осознает, что шеф исходит из интересов дела. Женщины же – существа иного рода, с более тонкой организацией психики, и оттого чутко реагируют на каждый эмоциональный всплеск начальства. Чтобы разговаривать с ними, нужна не только деликатность, но еще и колоссальное терпение.

Генерал посмотрел на девушку, сидящую напротив. Стараясь держаться уверенно, она слегка покусывала нижнюю губу, верный признак того, что нервы у нее натянуты до предела. Еще один упрек, пусть даже самый махонький, окончательно нарушил ее душевное равновесие, и она, закрыв ладонями лицо, зайдется плачем.

Виктор Ларионович отвернулся.

Неужели сейчас опять произойдет обычная сцена, которую он наблюдал в своей жизни не один десяток раз?! При чем у всех женщин имелось стойкое убеждение, что они могут запросто расплакаться в присутствии начальства, надавить на жалость и даже упрекнуть его в чрезмерной черствости. Но как же им попонятливее вдолбить, что на самообладании держится порядок?

Яковлев всегда считал, что женщина в разведке – это всегда слабое место. Устроенные иначе, чем мужчины, они обладают иной психоэнергетикой, а потому способны отказаться от задания в самый неподходящий момент. Но даже это не самое страшное. По своему складу любая женщина очень

привязчива, а потому, вопреки всякой логике, она способна влюбиться в источник информации, в человека, за которым ее приставили присматривать. И частенько вместо работы приходится распутывать очередной сложнейший любовный клубок, проявляя при этом немало изобретательности, чтобы избежать петелек и стяжек во взаимоотношениях.

Если была бы возможность не привлекать к работе женщин, то Яковлев так бы и поступил. Но сермяжная правда заключалась в том, что опытные нелегалы и профессиональные разведчики в большинстве своем мужчины в расцвете сил, которые не сторонятся женского внимания. И чтобы выудить из них нужную информацию, остается только выведать, какой именно тип представительниц прекрасного пола им нравится.

Что удивительно, некоторые из резидентов, несмотря на свой высокий социальный статус, предпочитают дешевых проституток, тех самых девиц, которых шоферы-дальнобойщики называют «плечевыми». Но это уже забота аналитического отдела, именно им положено рыться в картотеке и подбирать подходящую кандидатуру. Тем более что в женщинах подобного рода никогда не было недостатка.

Большая часть женщин идет в разведку по собственной воле, в силу, так сказать, романтического ореола, меньшая – из-за денег, немалая доля приходится на тех, кто был завербован в силу необходимости. Во всяком случае, среди валютных проституток таких не менее восьмидесяти процен-

тов. Интерес конторы к этим барышням объясняется очень просто. Они работают с иностранцами, а мужики готовы распустить перья даже перед потаскухами. Так и палятся чудо-богатыри синим пламенем из-за собственного словесного недержания.

В общем, если серьезно вникать в проблему, то женщины в спецслужбах – весьма существенный фактор.

Конечно, деятельность женщины здесь весьма ограничена. Например, ее трудно представить где-нибудь на военном заводе, добывающую секретные чертежи новейшего летательного аппарата. Здесь нужны хорошие инженерные мозги, что у женщины, в силу физиологической организации, случается нечасто. Кроме того, даже само ее появление способно вызвать кривотолки и привлекает внимание мужчин, среди которых могут быть и профессиональные контрразведчики.

Но вот при ловле на живца ей нет равных. У Яковлева встречались очень грамотные разведчицы, способные влюбить в себя кого угодно: резидентов, информаторов различных мастей, тайных агентов. Порой создавалось впечатление, что для них не существовало ничего невозможного. Но потом вдруг она увлекается каким-нибудь сантехником из домоуправления, который пришел по вызову починить протекающий кран. В результате, наплевав на оперативные игры и сложнейшие комбинации, леди пытается тайно уехать куда-нибудь с любовником, чтобы начать новую жизнь.

Хорошо, если новый возлюбленный окажется обыкновенным работягой, но чаще всего случается, что противник играет на опережение и организует обыкновенную подставу. Сантехник в действительности оказывается опытным разведчиком, специализирующимся на охмурении девиц. Поэтому женщину, как правило, не находят. Иностранная разведка не любит оставлять следов. Напичкают ее наркотой по самое горло, вытянут всю нужную информацию, а потом привяжут к ногам камень потяжелее и сбросят куда-нибудь в глубокий омут.

С недавних пор Яковлев готов был поверить в то, что прирожденные разведчицы все же существуют. Не бывает правил без исключений. За одной такой женщиной он наблюдал уже несколько лет. Ему казалось, что природа, расщедрившись, сумела наделить ее качествами, так необходимыми профессионалу, от аналитического мышления до хладнокровия. И вот теперь Виктор Ларионович был вынужден осознать, что поторопился со своими выводами, и следовало согласиться со старинной мудростью, утверждавшей, что женщина по своей природе слаба и там, где требуется голова, она часто подключает сердце. А любящее сердечко, как проверено практикой, способно давать сбои.

Вероника, одетая в строгий темно-синий костюм, выглядела официальной, немного чужой. И это обстоятельство раздражало генерала до крайности. Хотелось наказать ее, наговорить бестактностей. «Ты хотела свободы – так получай

по полной!» И только усилием воли Яковлев удержался от резкостей.

Виктор Ларионович уже подобрал соответствующие слова, чтобы вывести девушку из нервного состояния, но заметил, что на ее закушенной губе выступила крохотная капелька крови. Вот она-то и смушала.

– Ты мне веришь? – неожиданно мягким голосом спросил Яковлев.

Получилось почти по-домашнему. Но как еще прикажете разговаривать с женщиной, которая готова разрыдаться в любую секунду.

Вероника подняла голову и отвечала:

– Если бы я не верила, то никогда не пришла бы сюда.

– Вот ответ мне, Вероника, разве мы тебя привлекали к работе, заставляли?

– Нет.

– Вспомни наш разговор пятилетней давности. Тогда я даже отговаривал тебя. Говорил, что эта работа не для таких красивых девушек, как ты. Что в ней не существует никакой романтики. Возможно, что в нашем ведомстве имеется красивый фасад, но для этого работает целый штат дизайнеров и разного рода штукатуров, чтобы краска не облупилась и все выглядело пристойно.

– Но ведь...

– Ты помнишь, какие слова я тебе говорил, когда ты изъявила желание работать у нас? – перебил ее генерал.

Яковлев понимал, что его слова выглядели весьма жестокими, но поступить по-другому не мог.

– Да.

– Если помнишь, тогда повтори! – жестко потребовал Виктор Ларионович. Отвернувшись, Вероника промолчала. А Яковлев продолжал с прежним жаром: – А я тебе сказал, что контрразведка это не благотворительность! Нам не до сантиментов. И если тебе будет приказано прыгать в постель к старику со сморщенной задницей, то ты немедленно должна это исполнить. Помнишь, что ты мне тогда ответила?

Вероника продолжала смотреть в сторону, разглядывая замысловатый узор на обоях конспиративной квартиры. Это ее успокаивало. Чем-то рисунок напоминал лабиринт, который часто рисуют в детских журналах.

– Нет.

– А я вот тебе сейчас напомним. Ты сказала, что готова и к этому! И вот сейчас, когда твоя помощь особенно необходима, ты мне говоришь, что не можешь.

Что–нибудь подобное следовало предвидеть. У женщин есть свойство сворачивать в сторону в самый неподходящий момент. Стоит им только привязаться к мужчине по-настоящему, как служба и перспективы карьерного роста выглядят для них всего лишь обузой. А ведь все складывалось на редкость замечательно. В нее влюбился один из сотрудников «МИ-6», пригласил в Англию, женился. Она там прижилась, и ей даже понравилось, но теперь все вдруг рушилось только

потому, что Вероника вдруг повстречала свою студенческую любовь.

– Может, поначалу для меня это и не представляло особой сложности, но, в конце концов, вы же должны понять, что я не проститутка!

– Я все это понимаю, – сжалился генерал. – Но и ты меня пойми. У тебя такая внешность, что любая девушка может позавидовать. Ты из тех женщин, которые привлекают внимание, а для разведки это не самое лучшее качество. – Яковлев помолчал, после чего продолжал с некоторой жесткостью: – Извини меня за цинизм, но постель является тем самым местом, где тебя можно особенно успешно использовать! Здесь тебе просто нет равных! Ладно, успокойся. Честно говоря, я даже не думал, что ты можешь воспринимать ситуацию так болезненно, – Яковлев прижал ладонь к груди. – Ты единственная женщина, которая может разговорить Геворкяна. Именно такие женщины ему особенно нравятся. Может, тебе даже необязательно будет спать с ним. Попробуй разузнать, действительно ли он тот человек, за которого себя выдает.

– Кем же он представился? – спросила Вика, успокоившись и уже уверенно посмотрев на генерала.

Яковлев постарался не удивляться. Неужели в Веронике все-таки возобладал профессионализм?

– Он выдает себя за сотрудника компании «Де Бирс». Но у меня имеются подозрения, что здесь не обошлось без ан-

глийской разведки.

– Я устала, мне хочется уйти. Теперь я понимаю, что такая работа не для меня.

– Я это уже слышал, – сдержанно заметил генерал.

– Это будет мое последнее задание? – холодно спросила Вероника.

Яковлев улыбнулся:

– Ну вот, теперь узнаю прежнюю Вику.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Последнее, – уверенно пообещал генерал. – Ты мне можешь ответить откровенно, что тебя смущает с этим Геворкяном? Прежде подобных проблем у нас с тобой никогда не возникало.

– Не хочу изменять, – тихо ответила женщина.

– И кому же ты не хочешь изменять? Своему мужу в Англии или студенческому другу? Ну ладно, не отвечай. Это не столь важно. Ты бы мне хоть показала фотографию своего героя, который расстроил нам всю оперативную комбинацию.

– А дадите слово, что ничего ему не сделаете?

Генерал неодобрительно покачал головой.

– Ох уж все эти женские заморочки! Ведь я же и без тебя могу узнать, кто твой герой. Хорошо, даю тебе слово, что ему ничего не будет. Ну, надо же, кто бы мог подумать, что такой дивчине можно вскружить голову.

Виктор Ларионович ожидал, что фотография любимого

хранится где-нибудь в дамской сумочке, среди прокладок, по соседству с ключами от дома. Но Вероника сунула руку в карман пиджака и извлекла небольшую ламинированную фотографию. Еще один небольшой штрих, свидетельствующий о серьезных чувствах.

Протянув ему фотографию, она произнесла:

– Если вам так будет угодно.

Яковлев старался сохранить добродушное выражение лица.

– Как же зовут вашего молодца?

– Никита. Фамилия Зиновьев.

– Вот оно что. «Победитель», значит.

Хрупкие плечики Вероники неопределенно дернулись.

– Возможно.

В этот раз ее голосок прозвучал несколько веселее.

– Симпатичный парень, – вернул он фотографию. – Ладно, можешь идти. Вот, возьми это, – Яковлев поднял толстый пакет, лежащий на столе, и положил его перед Вероникой. – Здесь полная информация по объекту. Его фотографии, пристрастия, привычки, круг интересов, темы, на которые его можно зацепить в разговоре, места, где он предпочитает бывать. Так что все это для тебя знакомо. Должно пригодиться.

– Какой тип женщин он предпочитает?

Виктор Ларионович одобрительно кивнул:

– А вот это уже деловой подход. Знаешь, у этого Геворкяна очень неплохой вкус. Я ведь уже сказал, что ему нравят-

ся как раз такие женщины, как ты. Так что я ему даже завидую, – широко заулыбался генерал.

Взяв пакет, Вероника уложила его в сумочку.

– Со встречей не тяни, объект может быть завтра в «Валиде», около шести вечера. Постарайся прийти раньше его и устроиться за соседним столиком. – Губы девушки капризно надулись, Виктор Ларионович начинал узнавать в ней прежнего своего агента с псевдонимом Веста. – А впрочем, чего это я тебя учу? Ты и сама все это не хуже меня знаешь. Иди! – Генерал встал, всем своим видом давая понять, что разговор закончен.

Девушка поднялась, сделала несколько шагов к двери. Бокowym зрением Яковлев видел, что она развернулась, что-то хотела сказать, но, видимо, так и не отважившись, решительно распахнула дверь.

Оставшись один, Яковлев тотчас поднял трубку и набрал номер.

– Лысенков?

– Так точно, товарищ генерал-майор!

– Знаешь, из-за кого Веста прилетела в Москву?

– Не совсем, – осторожно ответил полковник.

– Из-за Никиты Зиновьева. А это внук того самого исчезнувшего старика с алмазами. В нашем деле случайностей не бывает. Как следует проработайте этого парня!

– Уже работаем, товарищ генерал-майор! Выяснили круг его знакомых. Один из его близких друзей Константин

Колганов, по кличке Бармалей. В своей среде очень известный хитник, мастер находить драгоценные камни где попало...

– Он как-то связан с алмазами?

– В основном он работает по изумрудам, но одно время занимался и алмазами. Контактировал с Арсеном Саакяном. Не исключено, что решил заняться этим вновь. У нас имеется оперативная информация, что в город прилетал старший Саакян, отец Арсена. В Ереване он очень известная фигура, имеет свой алмазный бизнес, занимается огранкой и продажей алмазов. Есть основания предположить, что он приехал проконтролировать покупку крупной партии алмазов.

– Все ясно. Не сомневаюсь, что за всем этим стоит старик Куприянов. Какие-нибудь соображения по этому вопросу имеются?

– Кое-что есть. Взяли под наблюдение всех его знакомых. Рассчитываем, что он скоро появится. Не может он уйти, когда намечается такая грандиозная сделка.

– Завтра подготовишь мне полный доклад.

– Так точно, товарищ генерал-майор, – бодро отозвался Лысенков.

Виктор Ларионович положил трубку телефона. Пора домой. Сегодня он обещал жене прийти пораньше.

Глава 8

СОТРУДНИК ГРУ

Это было типичное сельское кладбище, каких в России очень много. Оно ничем не отличалось от соседнего, находившегося километрах в пяти, у какой-то невеликой деревеньки. Забор высокий, но обветшавший, в некоторых местах штакетник разобран, и народ, наплевав на предрассудки, проходил прямо через дыры, вытоптав здесь дорожки.

Кладбище убогое, лишенное какой бы то ни было помпезности, всюду лишь покосившиеся серые кресты. Могильные плиты встречались здесь очень редко, и в сельской скудости они представлялись едва ли не вызывающим шиком.

У одной из таких плит стоял высокий седой мужчина в дорогом темном костюме. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что человек он не местный и, видимо, приехал издалека. В скорбном молчании мужчина постоял у плиты, поправил венки и тихо пошел с кладбища.

Майор Журавлев, стараясь не попасть в поле его зрения, с интересом наблюдал за этим человеком. Еще не стар, лет пятидесяти пяти, не более. Удивляла осанка, с которой он держался, она была необыкновенно прямая, невольно привлекала взгляд.

У выхода с кладбища мужчина замедлил шаг, Журавлеву

показалось, что он сейчас повернется и бросит прощальный взгляд на дорогой сердцу холмик. Но нет, ничего подобного не произошло, человек обошел большую лужу и двинулся дальше.

Теперь, когда мужчина подошел ближе, стало видно, что выглядит он значительно хуже, чем это казалось на расстоянии. Лицо аскетическое, сухое, такое впечатление, что на череп натянули кожу, которая успела иссохнуть и пожелтеть.

Звали этого человека Вячеслав Николаевич Шадронов. Работал он в аппарате Президента Российской Федерации и был весьма закрытой личностью. О нем было известно только то, что длительное время он служил в ГРУ, откуда и был переведен в аппарат Президента. Ничего удивительного в этом назначении не было, подобные структуры всегда забирали себе все лучшее, а в том, что Шадронов действительно всегда был в числе первых, сомневаться не приходилось.

И еще одно обстоятельство: его сын находился в числе тех самых погибших московских любителей камней, которых водолазы обнаружили в затопленном карьере. В силу каких-то причин Шадронов-старший не пожелал увозить тело сына с собой в Москву, а похоронил его здесь, на маленьком деревенском кладбище.

Вячеслав Николаевич вышел за ограду и направился к машине с государственными номерами, стоящей неподалеку от входа.

Журавлев двинулся следом. Территория кладбища не са-

мое подходящее место для беседы. Желательно, конечно, чтобы она проходила где-нибудь в сквере, на худой конец, в служебном кабинете. Официальная обстановка иной раз тоже может поспособствовать доверительной тональности. Но кладбищенская тишина даже на самого стойкого человека действует очень угнетающе. Но выбирать не приходилось. Из управления сообщили, что Шадронов будет свободен не более двух часов и поговорить с ним удастся лишь во время посещения кладбища, куда он придет, чтобы возложить цветы на могилу сына.

В управлении туманно обмолвились о том, что Шадронов возглавлял службу контрразведки в аппарате Президента. На нем лежала также ответственность за выяснение всех деталей криминальной обстановки в тех районах, куда должен проследовать Президент. Так что по большому счету Вячеслав Николаевич обладал огромными возможностями, и появление его в регионе было не случайным. Где-то через месяц сюда намечался приезд Президента. Основная работа, конечно, возлагалась на местные органы. С кем-то они должны договориться, чтобы сидели тихо во время визита Президента, кого-то следовало изолировать на весь период визита, а вот от наиболее несговорчивых и социально опасных избавлялись решительно и кардинально. Однако за всем этим приходилось следить самым тщательным образом. Неудивительно, что Вячеслав Николаевич располагал собственным штатом информаторов, в зависимости от полученных от них

сведений он и давал указания, на каком именно участке следует проявить большую ретивость.

Так что такого человека, как Шадронов, следовало не только уважать, но и побаиваться.

Неожиданно Вячеслав Николаевич развернулся и, в упор посмотрев на Журавлева, плетущегося поодаль, спросил:

– Я вас заметил еще на кладбище. Вы из местного УВД? Ну, просил же я их, чтобы не шлялись за мной по пятам, – раздраженно сказал он. – Мне вполне достаточно только одной машины.

– Я, собственно, совсем по другому поводу, – несколько растерянно сказал майор.

– Вот как? Вы хотите мне что-то сообщить? – И Шадронов несколько нервно продолжил: – Только давайте побыстрее, у меня совершенно нет свободного времени.

Майор Журавлев мгновенно составил психологический портрет Шадронова: напорист, берет инициативу на себя, действует с опережением. С таким человеком беседовать будет очень непросто.

– Да, я действительно из УВД. Дело в том, что я расследую убийство вашего сына. Мне бы хотелось переговорить с вами. Я не займу у вас много времени.

Виталий обратил внимание на то, что они с Шадроновым были примерно одного и того же роста. Но сейчас у майора возникло ощущение, что тот поглядывает на него словно бы с высоты колокольни.

– Вот как? Мне уже задавали вопросы люди из милиции...

Ну что ж, я вас слушаю.

Губы его плотно сомкнулись, образовав жесткую линию.

– Извините заранее, если мой вопрос покажется вам бестактным, но почему вы похоронили сына именно здесь?

– Неожиданный вопрос. Конечно, я мог отвезти его в Москву. Но мой сын очень любил Южный Урал. Я думал, что так ему будет лучше. А потом, я ведь и сам родом из этих мест и о всяких камушках знаю не понаслышке. Знаете, я ведь и привил ему эту страсть к камням. Вот только кто же мог предположить, что все закончится так печально.

– У вас с сыном были хорошие отношения?

Вячеслав Николаевич на секунду задумался, после чего уверенно ответил:

– Да, вполне. Хорошие, доверительные отношения...

– Так, значит, вы знали о его увлечениях камнями первой группы?

– Да, знал, но не думал, что это выльется в такую трагедию. Ведь в наше время очень многие занимаются камнями и совершенно безо всякого риска. Есть салоны, где продают поделки из очень качественного камня.

– Но все-таки ваш сын занимался камнями первой группы, – мягко напомнил Журавлев. – А это совсем другое дело. За это, если вам известно, дают серьезный срок.

– Вы меня хотите в чем-то упрекнуть? – холодно спросил Шадронов.

– Да что вы, как можно! Просто хочу выяснить обстоятельства, при которых погиб ваш сын.

– Понимаю. Сын у меня был вполне самостоятельный человек, и я ему во всем доверял. Знал, что он не полезет в какую-то неприятную историю. Правда, он обмолвился однажды о том, что они действительно занимаются серьезными камнями, но утверждал, что все происходит вполне законно. Говорил, что их даже охраняет милиция.

– А он случайно не сказал, что это была за милиция?

Кладбища, особенно сельские, отличаются безлюдьем. Каждый встречный здесь приметен, и сейчас Журавлев ловил на себе заинтересованные взгляды редких проходящих мимо старушек. От этого откровенного любопытства хотелось невольно поежиться. Нечто подобное ощущал и Шадронов.

– Давайте отойдем немного в сторону, – предложил Шадронов. – А то как на витрине стоим.

– Пойдемте, – охотно согласился Журавлев.

– Вы думаете, что здесь как-то замешана милиция?

– Я ничего не собираюсь от вас скрывать. Мы разрабатываем много версий, но вот эта наиболее вероятная. Милиция брала под свою «крышу» хитников, и как только выплывало что-нибудь интересное, так хитников устраняли. Не исключено, что оборотни действовали по чьей-то наводке. Хитники – народ пестрый... Например, некоторые из них могли быть связаны с криминалитетом. Вы об этом что-нибудь зна-

ете?

Шадронов вздохнул.

– Вы задали еще один вопрос, на который я не могу ответить. А это означает одно: я очень плохо знал своего мальчика. Значит, вы считаете, что убийство могла совершить милиция?

– Все указывает именно на это. У нас имеются в разработке и еще несколько дел, там люди тоже пропадали после того, как пообщались с милицией.

– Я вас понял, – Вячеслав Николаевич посмотрел на часы. По его сосредоточенному лицу было видно, что он принял какое-то решение. – К сожалению, мне надо торопиться. Я здесь совсем ненадолго, только для того, чтобы навестить сына. – Достав из кармана блокнот, он вырвал листок бумаги и написал несколько цифр. – Возьмите. По этому телефону вы можете связаться со мной в любое время.

Сложив вчетверо листок бумаги, Журавлев аккуратно провел ногтями по сгибам.

– Хорошо.

Вячеслав Николаевич уверенно распахнул дверцу автомобиля и, удобно расположившись на водительском кресле, запустил двигатель.

Свернув к опушке ближайшего лесочка, Шадронов остановил машину. Спокойствие давалось ему нелегко, ему потребовалось мобилизовать немалые внутренние ресурсы, чтобы выглядеть невозмутимым.

Вячеслав Николаевич распахнул дверцу. В салон ворвался ветер, принесший с собой запах травы и листьев. Верхушки деревьев печально шумели, словно выражая сочувствие. Но это была лишь видимость – высокие деревья и склонившиеся к земле травы были равнодушны к его горю.

Лицо Шадронova перекосило от боли, вцепившись в руль, он несколько минут смотрел прямо перед собой, стараясь обрести нормальное состояние. Вся концентрация летела к черту! Перед глазами был могильный камень с выгравированной на нем скорбной надписью и датой смерти сына.

Вячеслав Николаевич не рискнул сказать всей правды Журавлеву. Он уже давно перестал понимать Кирилла. В отношениях отца и сына наметился серьезный разлад в тот самый момент, когда Кирилл, взяв в институте академический отпуск, решил заняться поисками драгоценных камней на Урале. Во всем этом присутствовала изрядная доля авантюризма: закончи себе институт и занимайся потом, чем душа пожелает. Кроме того, здесь существовал значительный риск. Парень Кирилл был умный, грамотный и, конечно же, не мог не знать того, что первая группа камней всегда притягивала к себе внимание различных искателей приключений, мошенников и криминал самого высокого ранга. Такое с виду безобидное увлечение могло закончиться вполне печально. И закончилось!

Независимых людей в этом теневом бизнесе не существует, каждый попадает под пресс преступных группировок или

под милицейский произвол.

О самом себе Шадронов не беспокоился, его нынешнее положение давало запас прочности, сравнимый разве что с железобетонными сооружениями. Но вот Кирилл, в силу своей молодости и доверчивости, мог вляпаться в весьма скверную историю, связавшись с дурной компанией.

Вячеслав Николаевич вспомнил сына, обаятельного парня с неизменной широкой улыбкой, которая необыкновенно шла ему, и как никогда прежде осознал собственное одиночество. Они были похожи не только внешне, что понятно, все-таки отец и сын, но и внутренне – в нем самом всегда присутствовал мятежный дух, который он тщательно скрывал от окружающих.

И вот теперь сына нет.

Боль, куда более сильная, чем прежде, сковала его тело, заставив еще крепче вцепиться в руль автомобиля.

Достав мобильный телефон, Шадронов набрал номер.

– Виктор? – на всякий случай переспросил Вячеслав Николаевич.

– Он самый. С кем имею честь?...

– Как коротка человеческая память, – сдержанно заметил Шадронов.

– Вячеслав Николаевич? – осторожно поинтересовался генерал Яковлев.

– Да, это я... Рад, что ты меня узнал.

– Вас нельзя с кем-то спутать.

– Тем лучше. Я вот что тебе звоню: мы тут провели собственное расследование. Как мы и предполагали, в убийстве мальчишек замешана местная милиция.

– Мы тоже пришли к такому выводу, – отозвался Виктор Яковлев. – У нас был серьезный разговор с местными милицейскими начальниками. Они пытаются свалить убийства на обыкновенную бандитскую разборку. Это и понятно – все хотят быть чистыми. Мол, чего-то они там не поделили...

– Вот даже как. Но ты же знаешь, что мой сын был не из таких.

– Я знаю. Кое-какие фактики насчет местной милиции мы нарыли...

– У меня имелись очень серьезные подозрения по поводу Журавлева, но теперь я вижу, что он здесь ни при чем.

– Вы в этом уверены?

– Да. Я кое-что понимаю в людях. Если бы убийцей действительно был бы он, не хватило бы у него духа так уверенно держаться. Так что вся эта слежка за ним, акции устрашения уже ни к чему.

– Хорошо, снимем.

Ветер усилился, заставив деревья негодующе зашуметь.

– Ты не забыл, кто тебя рекомендовал на должность?

– Нет, – после небольшой заминки прозвучал ответ.

– Ты извини, мне не хотелось напоминать об этом, но так складываются обстоятельства. Я знаю, что ты очень близко подошел к этим мерзавцам. Ты можешь сделать для меня од-

ну вещь? Знаешь, в порядке одолжения... Очень прошу.

– Все, что в моих силах, Вячеслав Николаевич.

Голос невидимого абонента прозвучал напряженно.

– Возглавь эту операцию лично.

– Хорошо. Может быть, что-нибудь еще?

– Этих мерзавцев, которые моего сына... В общем, не оставляй их в живых. Оснований, чтобы их грохнуть, у тебя будет предостаточно. Без оружия они явно не ходят. Сделаешь это для меня, и считай, что мы с тобой в расчете.

– Попробую что-нибудь придумать.

Шадронов хмыкнул.

– Уж ты попробуй. – И, не дожидаясь ответа, отключил телефон.

Вячеслав Николаевич посидел еще немного, потом решительно захлопнул дверцу – похолодало. Да и ехать уже пора, время поджимало.

Глава 9

ОБОРОТНИ

– У меня дед начальником лагеря был, – высказался старший лейтенант Лавров, коренастый милиционер с вытянутой узкой головой. – Я его плохо помню. В память врезалось то, что он очень высоченный был, как гора, и лысый, как ладонь. Боялся я его очень. Как гаркнет, бывало, так у меня мурашки по спине сразу бегать начинают. Помню, однажды я сахарницу разбил, так он меня защемил между ног и отходил кожаным ремнем. Неделю присесть не мог.

– А лагерь-то далеко отсюда был? – спросил капитан Петраков.

– Нет, неподалеку... У поселка Изумрудный. Там и сейчас кое-где колючая проволока на столбах висит.

Расположившись на поваленном бревне, милиционеры покуривали и с ленивым интересом наблюдали за потугами трех хитников, рывших яму.

Уже третий год бригада хитников привлекала их в качестве охраны, а потому все свободное время стражи порядка проводили рядом с ними. В настоящее время реальной угрозы вроде не было, но она могла возникнуть в любую минуту. Шального народа по лесу ходит много, а милиционеры только одним своим видом отпугивали возможных недобро-

желателей.

Вся деятельность хитников проходила у них на глазах. Уже который год парни мечтали отыскать нетронутую жилу изумрудов, но всякий раз лишь натыкались на стволы деревьев полувековой давности, оставленные прошлыми поколениями добытчиков.

– Плотнячок пошел, – пропыхтел один из хитников, долговязый тощий парень. Несмотря на свою худобу, он был необыкновенно вынослив и, уподобившись кроту, мог ковыряться в земле сутки напролет без отдыха.

«Плотнячок» означал твердую породу, еще не тронутую лопатой, следовательно, имелись все основания предположить, что где-нибудь на глубине трех метров прячется изумрудная копь. Однако его слова особого энтузиазма не вызвали, подобные откровения все слышали уже не однажды, но потом вдруг выяснялось, что на глубине полутора метров обнаруживается сломанный самовар, а то и ось от телеги.

– Уверен? – вяло поинтересовался его напарник, рыжеватый парень с крупной головой.

– Уверен! Лопату в землю ткнул, так она едва не сломалась.

– В прошлый раз ты то же самое говорил, – вмешался третий парень с крупными конопушками на лице. – А потом что оказалось? Четыре метра прорыли, и все задаром!

– Сейчас совсем другое дело, – горячился долговязый. – Зуб даю.

Конопатый только скривился.

– Смотри, и вправду выбью!

Подобные перепалки для милиционеров были не в диковинку. Про плотнячок они тоже слышали, а потому равнодушно относились ко всем переживаниям хитников. Самое большее, что могли наковырять хитники, так это пару десятков цитринов, да извлечь несколько аметистовых друз. Полученная прибыль едва ли перекроет все их расходы. Но парни были самые настоящие энтузиасты и, несмотря на неудачи, продолжали неутомимо искать нетронутые места, щедро расплачиваясь за свое спокойствие с милицией.

– Серьезный был лагерь, – повернулся капитан к Лаврову, желая продолжить разговор. – Говорят, что там зэки на платиновом карьере работали. Причем работали все, что мужики, что блатные. Потом там массовый побег был. Многих побегушников охрана положила.

– Много чего говорят, – туманно протянул Лавров. – А побег действительно был. Моего деда как раз за тот побег и наказали. Сполна срок отсидел.

– И что же он рассказывал?

– Особенно не распространялся. Умел язык за зубами держать. Только перед самой смертью немного разговорился. Про какой-то контейнер говорил, будто там алмазы были, которые по ленд-лизу должны были союзникам отправить.

– Неужели в контейнере могли быть алмазы?

– Сам подумай, для золота он маловат. Золото тогда тон-

нами на Запад отправляли. А для алмазов будет в самый раз. А потом, к чему им контейнер пломбами облеплять? Дед так и говорил, со всех сторон пломбы да печати были проставлены.

Лейтенант бросил под ноги сигарету и старательно растер ее каблуком.

– Тоже верно.

Глаза капитана озорно блеснули.

Хитники уже перебрались на косогор, а долговязый, не ведая усталости, продолжал крушить кайлом откос, выковыривая комья земли, слежавшийся щебень, а заодно и сплетенные корневища кустарников. Положив инструмент на землю, он посмотрел на рыжего.

– Бульдозером надо пройтись. Он всю растительность раскурочит, а там уже можно посмотреть, что к чему.

– А ты уверен, что нужно искать именно здесь? – спросил конопатый, бросив короткий взгляд на сидящих невдалеке милиционеров.

Долговязый распрямился, помассировал натруженную спину и уверенно продолжил:

– Больше нигде!

– В прошлом году ты тоже так говорил. И что в итоге? Целый сезон потеряли!

– Ручаюсь! – положив ладонь на грудь, произнес долговязый. – Мы с тобой все по квадратам прошли, осталось только три участка. Если не этот, так в двух оставшихся точно

будет!

– А с чего ты взял, что они должны здесь быть? – наседал конопатый.

– Я в старых картах смотрел, а в них жила кругом обозначена, – заверил долговязый, вновь взявшись за кайло.

Третий хитник участия в разговоре не принимал. Распрямившись, посматривал то на одного, то на другого. Занятный тип, первое время милиционеры думали, что он вовсе немой. Но когда камень ему на ногу уронили, ничего, заорал!

– Карта может быть неточной. А по поводу ящиков с изумрудами ты ничего в архивах не нашел? Говорят, они где-то здесь закопаны?

– Кое-что имеется, – неопределенно сказал долговязый. – Я даже знаю, где примерно искать.

– Но ведь здесь не только мы ищем. Хотя бы кто-нибудь на след напал. Может, этих ящиков и вовсе нет!

Разговор хитников принимал какой-то новый оборот. Милиционеры насторожились. Уже лет шестьдесят местные жители говорили о том, что где-то в этом районе закопаны ящики с первосортными изумрудами. Чем черт не шутит! Может, и правда.

– Изумруды точно есть! А не могут их найти, потому что не там ищут. Всех, кто был связан с этой «зеленью», перестреляли.

– А ты откуда все это знаешь? – не сдавался конопатый. Чувствовалось, что парень был неугомонный. Подобный

разговор заходил не однажды, принимая порой очень резкие формы. Милиционеры к этому привыкли, а потому на перепалки внимания не обращали, думая о своем. Но сейчас парни раскипятились не на шутку.

– Мне Васильевич сказал, а у него отец вертухаем был. Он-то ему и рассказал. Сорок ящиков тогда было засыпано! Надо только пару метров землицы снять, и изумруды твои.

– И что же ты тогда с этим богатством делать будешь? – в голосе конопатого послышалась искренняя заинтересованность. Так уж устроен человек, что всегда надеется на фарт. Пусть даже на такой шальной.

– Придумаю что-нибудь. Главное, чтобы они были.

– Тоже верно.

– Давай сейчас плотнячок поколотим. Глянь туда, – показал долговязый на выбитую полость. – Смотри, там какие-то камушки блестят. Наверняка аметисты прячутся. Пару раз ударить, и они наши, – вдохновенно уверил он.

Наблюдать за работой хитников было скучновато. Ведь не концерт же! Ну, машут себе ребята кайлом, колупают понемногу землицу. Какое же тут может быть зрелище? Но надо сидеть, собственно, за то им и платили, чтобы они сидели на поваленном стволе и изнывали от безделья. Единственное развлечение, так это поплевывать по сторонам.

Месяц назад были убиты еще трое хитников. А потому каждая бригада старалась заполучить милицейскую «крышу», так спокойнее.

– А если бы они нашли ящики с изумрудами, тогда что? – вполголоса спросил капитан Петраков.

Лавров ответил вопросом на вопрос:

– А ты что, не догадываешься?

– Нет, но... Все-таки трое. Хлопоты.

– А в затопленном карьере меньше, что ли, народу было? – отрезал Лавров и, не дожидаясь ответа, добавил: – Вот то-то и оно!

– А сам ты веришь, что ящики с изумрудами действительно зарыты где-то здесь?

Меж тем хитники уже дорылись до аметистовой жилы и теперь бережно выковыривали огромную друзу.

– Мне верить не надо, – устало вздохнул старший лейтенант Лавров. – Я знаю наверняка. Об этом мне дед тоже говорил. Правда, место так и не назвал. Скорее всего, просто сам не знал. Но сказал, что где-то недалеко от какой-то штольни. А пещер здесь в округе нет, значит, они просто не там ищут.

– А если эта штольня засыпана?

– Может быть, и так.

– Как ты думаешь, долго они еще будут копать?

– А хрен их знает! – буркнул Лавров. – Хитники – особая порода. Если камушки пойдут, так они готовы и при свечах землю колупать. А тебе-то чего? Деньги идут хорошие, сиди себе да отдыхай.

Хитники заметно оживились. Из жилы была изъята огромная друза аметиста. Вещь, конечно же, хорошая, но

вряд ли из-за нее стоило ковыряться целый день.

– А ты слышал о том, что у одного из тех москвичей, ну, которых мы в карьере-то... отец в аппарате Президента работает? – опасливо спросил Петраков.

– Слыхал, – вяло отреагировал старлей.

– И что ты скажешь? – Петраков был явно взволнован.

Лавров неторопливо повернулся к напарнику и сказал:

– А я вижу, что очко-то у тебя не железное. Играет! И правильно. Только думай об этом как можно меньше. А еще меньше болтай! Тогда все в порядке будет. Если до этого нас не взяли, так почему вдруг сейчас возьмут? Нас ведь никто не видел? Так?

– Верно.

– А кто видел, тот уже не скажет!

– Все это, конечно, так, только у меня такое чувство, как будто кто-то в спину дышит.

Лавров отмахнулся.

– Это ты брось! За нами никто не следит. Если бы кто-то что-то заметил, так мы бы с тобой сейчас не разговаривали. Нас бы уже давно закрыли!

– Тоже верно. Как ты думаешь, а мы не много запросили у Никиты? Ведь он может не согласиться.

– Согласится, никуда не денется! Где ему сейчас прикрытие искать? А сделка на носу. Причем крупная сделка. Времени у него просто нет! Все сейчас за процент работают. Если имеешь хорошие бабки, так будь добр, поделись! Иначе

никак.

– А как думаешь, откуда у Никиты с Бармалеем взялись «белые»?

– Я не думаю, я точно знаю. Отыскали они этот контейнер. Покойный дедуля говорил, что алмазы эти собирали с Вишеры, кое-что добавили из конфискованного у ювелиров и коллекционеров, а потом спецкурьеры доставляли к нему в лагерь. Там камни ожидала спецгруппа, называлась она «Три толстяка». В нее входили три человека, один офицер и двое солдат. При себе они всегда носили пистолеты и противотанковые гранаты. Разговаривать с ними было запрещено, приближаться к ним тоже было нельзя. Они могли застрелить любого подозрительного человека. Такие вещи доверяли самым проверенным. И все-таки при массовом побеге этот контейнер бесследно потерялся, а Никита с Бармалеем каким-то образом его отыскали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.